

Об авторе.

Ренад Азальевич Ягудин – пресс-секретарь Гидрометцентра ФГБУ “Западно-Сибирское УГМС”, Заслуженный Метеоролог Российской Федерации, кандидат географических наук.

Родился в Казани в 1940 году. В 1963 году окончил географический факультет Казанского государственного университета по специальности “Метеорология” и был направлен на работу в Новосибирское Бюро погоды. В 1969 году окончил заочное отделение аспирантуры Ташкентского государственного университета, а в следующем году защитил диссертацию на тему “Грозы и шквалы в Новосибирской области”.

В 1973 году был избран на должность заведующего лабораторией долгосрочных прогнозов погоды СибНИГМИ. В 1983 году стал начальником Гидрометцентра ФГБУ “Западно-Сибирское УГМС” и возглавлял его до 2005 года. Всего им опубликовано более 50 научных и методических работ по проблемам долгосрочного и краткосрочного прогноза погоды. Некоторые из разработанных им методов нашли применение в оперативной практике прогностических органов Росгидромета. Под его руководством коллективом Гидрометцентра проведена значительная работа по развитию и совершенствованию гидрометеорологического обеспечения потребителей прогностической и режимной информацией на бюджетной и договорной основе, внедрению передовых методов и технологий работы.

Являлся членом Научно-координационного Совета Росгидромета по Урало-Сибирскому региону. Принимал участие в 1998 году в работе регионального Семинара ВМО по проблемам прогноза погоды в Праге. В период 1970-1988 годов был экспертом Госкомгидромета СССР по метеорологическому обеспечению работ Семипалатинского ядерного полигона. Член Учёного Совета СибНИГМИ, Технического совета УГМС.

За многолетний и добросовестный труд Р.А. Ягудин награждён знаком “Отличник Гидрометслужбы СССР”, медалью “За доблестный труд”. Мэрия Новосибирска и правительство Новосибирской области наградили его знаками “За труд на благо города”, памятными знаками в честь 75-летия и 80-летия области. От имени ассоциации национальных автономий области Р.А. Ягудин награждён знаком “Дружба народов”.

Благодарности.

Выражаю глубочайшую благодарность специалистам Гидрометцентра России, особенно научному руководителю ГМЦ РФ Роману Менделевичу Вильфанду, за тёплую дружескую поддержку при подготовке данной рукописи, активный поиск и представление фотографий ведущих учёных Гидрометцентра.

Моя искренняя благодарность начальникам Омского и Красноярского Гидрометцентров Л.А. Литовкиной и М.А. Ерёминой, сотрудникам ФГБУ “Западно-Сибирское УГМС” - Гидрометцентра, РВЦ, аппарата, музея: М.В. Виноградовой, В.Ф. Богдановой, И.Г. Ковригиной, Д.В. Бурутину, Л.П. Воробьёвой, Р.И. Димитровой, Н.Е. Чухиллю, Т.Н. Дяденко за неоценимую помощь в поисках и подборе иллюстративного материала к 1 и 2 частям моих автобиографических воспоминаний.

Р.А. Ягудин

Глава 6. От успехов к разочарованиям. Конфликты, утраты и потери.

Оглядываясь назад, убеждаюсь, что конец 70-х – начало 80-х годов прошедшего столетия – это был период кульминации моей научной деятельности. Получалось почти всё, во всяком случае – многое.

В 1978 году на Учёном Совете института меня вновь переизбрали заведующим лабораторией долгосрочных прогнозов погоды на очередной пятилетний срок. Почти единогласно, только один голос был “против”. В следующем году, после удачных оперативных испытаний, разработанный мной метод фонового долгосрочного прогноза аномалий месячных сумм летних осадков на юго-востоке Западной Сибири был внедрён в оперативную практику. В конце 70-х годов ВАК (Высшая Аттестационная Комиссия) в Москве утвердила меня в научном звании старшего научного сотрудника. В Госкомгидромете вспомнили про разработанный мной ещё в 60-е годы расчётный метод краткосрочного прогноза гололёда. Оказалось, что из трёх испытанных в разных УГМС методов мой показал лучший результат. По требованию заместителя начальника УГМО Госкомгидромета И.В. Кравченко пришлось написать методические указания и направить их в эти Управления; указания были подготовлены солидным тиражом (1200 экз.). В январе 1980 года мне доверили быть председателем итоговой сессии Учёного Совета института; заместитель директора СибНИГМИ П.Ю. Пушистов удостоил меня похвалы (“Неплохой спикер!”). А вскоре я представил к оперативным испытаниям метод долгосрочного синоптико-статистического (регрессионного) долгосрочного прогноза аномалий среднемесячной температуры по территории Западной Сибири.

Решалась проблема роста научных кадров: в заочную аспирантуру Гидрометцентра СССР был принят сотрудник нашей лаборатории В.Г. Токарев, а один из ведущих учёных

Х.Х. Рафаилова

страны, доктор географических наук, Х.Х. Рафаилова согласилась стать руководителем его диссертации. Удалось отстоять, не без помощи Пушистова, пребывание М.Г. Зубович в составе нашей лаборатории: её соблазняли перейти в отдел гидрометобеспечения народного хозяйства на более высокий оклад. Не мог я примириться с потерей самого опытного и “везучего” синоптика: добавили к её ставке ещё 5-10 рублей,

и она согласилась у нас остаться. В октябре 1978 года лаборатория усилилась с переходом в наши ряды опытного синоптика С.В. Прилепской, которая до этого имела значительный стаж практической работы в области авиационной метеорологии и краткосрочных прогнозов погоды.

Расширялись научные контакты института с учреждениями и организациями Гидрометслужбы, университетами, где готовили будущих специалистов – гидрометеорологов и вели научно-исследовательские работы. Даже традиционные ежегодные итоговые сессии Учёного Совета СибНИГМИ превращались в крупномасштабные многодневные конференции, чуть ли не союзного масштаба. В январе 1978 года на нашей итоговой сессии было представлено 57(!) докладов по различным проблемам гидрометеорологии. С докладом выступил и мой однокашник, в то время доцент кафедры метеорологии Казанского университета, Ю.П. Переведенцев (о математическом моделировании процессов в мезосфере). В том же году П.Ю. Пушистов посетил Казанский

университет, встретился с заведующим кафедрой метеорологии Н.В. Колобовым; своё впечатление о профессоре выразил короткой репликой: “Серьёзный мужик!”

А.И. Мишкарёв

Р.Ш. Иманаева

Е.Д. Федотова

В 1980 и 1981 годах, оба раза в феврале, после командировок в Гидрометцентре и ГУГМС, возвращаясь в Новосибирск, я заезжал в Казань и выступал с докладами по результатам НИР в области долгосрочных прогнозов на научных конференциях, которые проходили под председательством Николая Васильевича Колобова при участии практически всех сотрудников кафедры, всех, кто

М.А. Верецагин

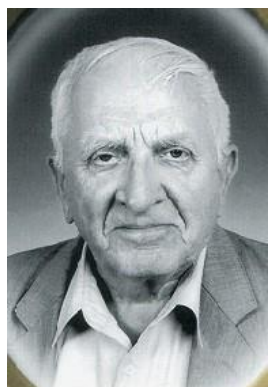

Г.А. Тарасов

В.М. Степанова

читал студентам, лекции и прививал любовь к метеорологии и синоптике: А.И. Мишкарёва, Р.Ш. Иманаевой, Е.Д. Федотовой, Р.И. Гумеровой, М.А. Верещагина, Г.А. Тарасова.

А.П. Дедков

Запомнилась чрезвычайно тёплая атмосфера этих встреч. Вероника Михайловна Степанова, проводившая с нами, студентами, в 60-е годы синоптическую практику, при встрече обняла меня и воскликнула: “Здравствуй, Ренатик!” Как это было приятно и по-матерински! На конференции присутствовали не только метеорологи, но и представители других направлений науки: геоморфолог А.П. Дедков, этнограф Е.П. Бусыгин. В 30-е довоенные годы, да и после войны, Евгений Прокопьевич работал скрипачом в оркестре Татарского академического драматического театра, где познакомился с моим отцом. (Добавлю, что в начале 80-х географак располагался уже не в старинном главном корпусе университета, а на 14-16 этажах высотного второго учебного корпуса.)

Е.П. Бусыгин

1980-й был годом масштабных всесоюзных научных конференций и совещаний. В марте в Ленинграде прошла крупная конференция по проблеме долгосрочных прогнозов погоды с широким участием учёных, гелиофизиков и метеорологов, использующих в прогнозах солнечно-земные связи (А.И. Оль, В.Ф. Логинов, Е.В. Воробьёва и другие). Я также выступил с докладом. Между прочим, Таисия

А.И. Оль

Васильевна Покровская сообщила, что в скором времени она повезёт в Москву, на Центральную Методическую Комиссию (ЦМКП) Госкомгидромета “Первую Солнечную модель долгосрочного прогноза”.

Нашим гидом в Ленинграде был Г.Н. Чичасов, который в 70-е годы учился в очной аспирантуре ЛГМИ. Запомнилось, как он вёл нас с Г.К. Турулиной по Невскому проспекту и вдохновенно рассказывал: “В этом доме встречался Тургенев с Полиной Виардо... А в этой гостинице свёл счёты с жизнью Сергей Есенин... А здесь Александр Блок...” В последний день пребывания в Ленинграде мы с Галиной съездили на кладбище “Литературные мостки”, поклонились могилам великих писателей России: Некрасова, Добролюбова... и даже успели заехать в Эрмитаж.

В конце октября того же года знаковое совещание прошло в Москве, в ГУГМС, по перспективному планированию НИР в области прогнозов погоды на 1981-83 годы. Туда приехала представительная делегация нашего института во главе с П.Ю. Пушистовым и учёным секретарём М.А. Чубенко. Председателем Совещания был М.А. Петросянц; работа была организована по секциям: долгосрочные прогнозы (руководитель В.П. Садоков), численные краткосрочные прогнозы (С.Л. Белоусов), среднесрочные прогнозы (Г.Г. Громова). Я работал в секции долгосрочников. Нельзя сказать, что дискуссия и

М.А. Чубенко

обсуждение результатов проведённых в последние годы исследований по этой проблеме всё время были конструктивными, ощущалась тенденция каким-либо образом ущемить гелиофизическое направление. Запомнилось своеобразное противостояние между Д.А. Педем

Д.А. Педь

(Гидрометцентр) и по-ленинградски обворожительной и очаровательной Е.В. Воробьёвой (ГГО). Дмитрий Антонович раз за разом предлагал внести в решение секции формулировки, умаляющие или даже дискредитирующие солнечныхников, а Евгения Викторовна так же неумоимо и спокойно, светло улыбаясь, корректно возражала и вносила свои предложения. В результате верх одержали женская дипломатия и обаяние. Была составлена общая программа работ на ближайшие три

года, поставлены достаточно амбициозные для долгосрочных прогнозов цели и ожидаемые результаты. Только вот в этом месте “самая обаятельная и привлекательная” тихо и горестно воскликнула: “Ой, ведь ничего этого мы не добъёмся!” Но было уже поздно...

В.П. Садоков

С.Л. Белоусов

Г.Г. Громова

На пленарном заседании В.П. Садоков, С.Л. Белоусов и Г.Г. Громова доложили об итогах работы и решениях каждой

секции; перспективная программа НИР по всем направлениям развития методов прогноза погоды была принята.

В последний вечер нашего пребывания в Москве П.Ю. Пушистов сообщил о принятых в Госкомгидромете решениях по реорганизации нашего УГМС и института, о разделении оперативно-производственной и научно-исследовательской деятельности. А в декабре этого же года он вернулся из командировки в Москву утверждённым директором института (как говорится, «на шите») и на новогоднем банкете 26 декабря в ресторане «Центральный» с гордо поднятой головой блеснул речью, напомнив присутствующим о 10-летию института и о выдающихся заслугах первого его директора, начальника Западно-Сибирского УГМС Самуила Моисеевича Шульмана... Грянула овация.

«Развод» института и УГМС в январе 1981 года сопровождался перемещением сотрудников, тяготеющих к практической работе, в Бюро погоды, где начальником вновь созданного отдела долгосрочных прогнозов стала многоопытная М.Г. Зубович. А я с оставшимися верными науке сотрудниками сформировал научную лабораторию долгосрочных прогнозов погоды. К нам перешёл В.В. Ерёмин, который за год до этого защитил кандидатскую диссертацию под руководством доктора физ-мат. наук, профессора М.И. Юдина. Таким образом, в нашей лаборатории развивались два направления: синоптико-статистическое (под моим руководством) и физико-статистическое (руководитель В.В. Ерёмин). Наша лаборатория и лаборатория прогнозов малой заблаговременности, руководимая И.Г. Храмцовой, вошли в состав отдела синоптико-статистических методов прогноза погоды (ОССМПП), который возглавил Леонид Николаевич Романов. Его правой

В.В. Ерёмин

рукой была Г.М. Виноградова, она же чаще всего замещала его в период отпусков. В том же году в нашу лабораторию перешла из экспедиционной партии Управления квалифицированный климатолог В.Г. Осокина. Ей я поручил заняться исследованием эффективности и надёжности аналогов по, так называемым, обеспеченным предикторам (предсказателям). Физико-статистическая группа была усилена молодой выпускницей ЛГМИ Л. Аксёновой, которая прошла непродолжительную стажировку в Бюро погоды.

Г.М. Виноградова

Л.Н. Романов

В.Г. Осокина

В 1981 году после успешных оперативных испытаний оба метода, синоптико-статистический метод детализированного прогноза аномалий среднемесячной температуры по Западной Сибири (автор Р.А. Ягудин) и физико-статистический метод прогноза аномалий температуры и осадков летних месяцев по югу Западной Сибири (автор В.В. Ерёмин), решением научно-технического совета Западно-Сибирского УГМС были внедрены в оперативную практику Новосибирского Бюро погоды.

Отмечу, что Владимир Викторович в те годы был чрезвычайно активным не только в науке. Как опытный альпинист и спортсмен, он в летние месяцы вместе со своей супругой Л.С. Хайбулиной регулярно выезжал на Кавказ и

даже участвовал в работах по спасению попавших под снежные лавины туристов и альпинистов.

В начале 80-х годов сфера моих научных интересов сместилась к изучению влияния 18-22-летнего цикла лунно-солнечных приливов на формирование атмосферной циркуляции и температурных аномалий в Западной Сибири. При этом я использовал каталог приливообразующих сил, приведённый в монографии И.В. Максимова, 1970 года. Обнаружились интересные и статистически значимые связи форм циркуляции (по Вангенгейму – Гирсу) и аномалий температуры для зимних месяцев, открывающие возможности для сверхдолгосрочного прогноза погоды. Дисперсионный анализ для декабрьских процессов показал: вклад в дисперсию лунно-солнечного цикла 46%, солнечной активности - 20% (остальные факторы -34%). Во время доклада на одном из научных семинаров реакция аудитории была бурной, даже по количеству заданных мне вопросов (11!). Правда, ещё более парадоксальный доклад примерно по той же тематике сделал накануне на гидрологическом семинаре весьма пожилой гидролог И.И. Волков: он доказывал, что его гидрологические прогнозы с учётом фазы Луны оправдываются на 100% (ни больше ни меньше!).

Как известно, издавна традиционно крепкими были связи между Гидрометслужбой Западной и Восточной Сибири и Гидрометслужбой Монголии, прежде всего по вопросам обмена наблюждённой гидрометинформацией. В 1981 году наш отдел заложил основы научно-прикладного сотрудничества между СибНИГМИ и Управлением Гидрометслужбы Монгольской Народной Республики. В октябре этого года к нам приехал монгольский метеоролог Нацагдорж. В соответствии с разработанной накануне и согласованной со всеми инстанциями программой была организована его встреча с руководством института и УГМС, руководителями отделов и лабораторий. На Учёном Совете Нацагдорж рассказал о

структуре и деятельности Гидрометслужбы Республики, проблемах и достижениях, выразил заинтересованность в развитии методов долгосрочных прогнозов погоды на территории Монголии. Он был ознакомлен с работой службы связи, РВЦ, Центра мониторинга окружающей среды, Спутникового Центра. В рамках культурной программы монгольский гость посетил спектакль нашего «Сибирского Колизея» - оперного театра. Монгольский визит был освещён в институтской стенгазете, где Нацагдорж поместил короткую заметку с тёплым названием “Найрамдыл”, что означает “Дружба”.

Несмотря на разделение функций НИИ и УГМС связи с практикой мы не теряли. Сотрудники нашей лаборатории регулярно участвовали в обсуждении аналогов и месячных прогнозов, которые проводились в Бюро погоды. Вместе с В.Н. Барахтиным, который к тому времени стал заведующим лабораторией авиационной метеорологии, мы практически ежедневно посещали синоптиков отдела краткосрочных прогнозов, который возглавляла М.А. Черкесова, и принимали участие в дискуссии и обсуждении прогнозов погоды на ближайшие сутки. Убеждён, что это был нужный и полезный опыт практической работы для любого учёного, который занимается разработкой методов прогноза погоды.

В правильности этих действий я ещё раз убедился в конце октября 1981 года. Утром 30 октября Новосибирск испытал транспортный коллапс: при температуре около минус 3°C на улицы города сеял мелкий переохлаждённый дождь; моментально замерзая при ударе о тротуар, капли образовывали плотный ледяной паркет, непроходимый для транспорта. Ни до этого случая, ни спустя почти сорок лет после него такой жуткой гололедицы в районе Новосибирска ни я, ни мои коллеги не видели. Городской транспорт практически встал, закрылись аэропорты; помню, на работу я добирался около трёх часов. К сожалению, гололёд такой

интенсивности не был синоптиками предсказан, что получило большой и, конечно, негативный общественный и административный резонанс. Была создана комиссия из представителей Западно-Сибирского УГМС и института, привлекли в комиссию и меня. Так получилось, что основная работа по составлению и редактированию решения (заключения) комиссии о причинах формирования сильной гололедицы и неудачного её предсказания выпала на мою долю. Разумеется, решение проходило согласование с руководством и ведущими специалистами Бюро погоды, М.Г. Петровой, М.А. Черкесовой, Л.Н. Староватовой, М.Г. Зубович; в обсуждении документа участвовали В.Н. Барахтин и В.М. Яркова. Было признано целесообразным трансформировать его в информационное письмо и методические указания по прогнозу гололедицы (на примере 29-30 октября 1981 года). Признаюсь, что в данном документе я допустил критическую оценку состояния разрабатываемых в нашем институте методов численных гидродинамических методов, авторы которых не уделяли внимания методам прогноза ОЯ. Разумеется, П.Ю. Пушистов такой критикой был крайне недоволен. Во время душевспасительной беседы, грозно сдвинув брови, негромко спросил, а помню ли я, где получаю зарплату. Пришлось вспомнить, как и то, что директор института патриот гидродинамического направления НИР...

Говоря о связи с деятельностью УГМС, добавлю, что сотрудники института, и я в том числе, выступали на ежегодных региональных семинарах синоптиков Западно-Сибирского УГМС с докладами о результатах научных исследований по прогностической тематике. Я по-прежнему руководил общей с Управлением оперативной группой по метеорологическому обеспечению гражданской обороны (ГО); выезжали 1-2 раза в год на учения ГО в район Коченёво, на запасной узел связи (ЗУС) совместно с синоптиками, связистами, техниками-метеорологами.

К нам в Новосибирск, для обмена опытом работы, приезжали ведущие специалисты-практики из других регионов Сибири. Сильное впечатление оставила в начале 80-х годов

А.И. Ерофеева

начальник Омского Бюро погоды А.И. Ерофеева, которая у нас на Учёном Совете доложила о полученных ею зависимостях для долгосрочного прогноза весенне-летних осадков (апрель-июнь) на юге Западной Сибири. Понравилось, что, несмотря на рекомендации ГУГМС об ограничении в текстах месячных прогнозов упоминаний о волнах тепла и холода, она в своих прогнозах эти волны сохранила. (“Молодец!” – записано в моём дневнике.)

Группы добровольной народной дружины (ДНД), в которых мы вечерами после работы патрулировали улицы прилегающего к нашему зданию микрорайона, были общие - из сотрудников института и УГМС. Во время одного такого дежурства в октябре 1981 года произошёл непредвиденный случай: пьяный дебошир ударил меня кулаком в лицо, несильно, но очки разбил. Правда, потом и ему в опорном пункте ДНД досталось...

Научные контакты развивались не только с родным Казанским университетом. В начале 1982 года подготовила и представила к защите кандидатскую диссертацию сотрудник кафедры метеорологии Томского университета Н.М. Алёхина. В своей работе она исследовала возможность прогноза грозовой активности на юге Западной Сибири с учётом солнечно-атмосферных связей. Я был утверждён одним из оппонентов её диссертации. В ноябре 1982 года Нелли Михайловна приехала к нам на ежегодный семинар синоптиков Западно-Сибирского УГМС по вопросам метеорологического обеспечения народного хозяйства. В последний день занятий

она вдруг предложила мне подготовить и прочитать перед сотрудниками кафедры и студентами лекцию по региональным методам долгосрочных прогнозов погоды, разработанным на базе почти десятилетних исследований. Аналогичное предложение получил и В.В. Ерёмин. В середине декабря мы с ним прибыли в Томск. Я прочитал три полномасштабных лекции. Для меня это был первый опыт лекционной работы. Было трудновато: надо было следовать ходу научной логики (мысли), не забывать о чёткости дикции, сохранять эмоциональность в подаче информации, но не перегружать голосовой аппарат. Кажется, со всем этим я справился; по крайней мере, в последний день пребывания в Томске Нелли Михайловна с мягкой и интеллигентной улыбкой сказала мне: “Вы говорили как профессиональный лектор”. Успешно выступил и В.В. Ерёмин. Из культурной программы нашего пребывания в Томске мне запомнилось выступление ансамбля скрипачей Томского университета. Человек 20-25 элегантно одетых молодых мужчин и женщин играли слаженно, вдохновенно, профессионально музыкальную классику XIX века; запомнилось проникновенное исполнение Второго Славянского танца А. Дворжака. Был приятно удивлён, когда в рядах скрипачей увидел бывшую сотрудницу спутникового центра Западно-Сибирского УГМС Ж.В. Рыбакову. Ныне она доцент кафедры метеорологии ТГУ.

В 1982-83 годах научно-методические контакты с Казанским университетом расширились и углублялись. Юрий Петрович Переведенцев, заведующий кафедрой метеорологии, ставший в 1983 году, после отъезда А.П. Дедкова в Афганистан, деканом географического факультета (с чем я его и поздравил), стал приглашать меня ежегодно для работы в Государственной Экзаменационной Комиссии по специальности “метеорология” в качестве Председателя.. Я приезжал ежегодно в Казань дважды: в феврале и в мае. Зимой я вместе с кем-либо из сотрудников кафедры философии участвовал в приёме госэкзамена по научному коммунизму и

истории КПСС. Сидеть молча (истуканом) на таких экзаменах мне казалось неприличным; памятуя прошлые сведения из истории страны, я старался задавать студентам не очень заковыристые вопросы по национальному вопросу и, конечно, современной политике КПСС. Запомнилось, как во время таких диалогов спокойно и мудро с высоты своего уже немолодого возраста усмехался преподаватель М.А. Рафиков. Фотография нашей госкомиссии была опубликована в университетской газете “Ленинец”.

Весной, в мае, обычно происходила защита дипломных работ пятикурсников по проблемам метеорологии, климатологии и методам прогнозов погоды. Защита проходила по следующему сценарию: выступление дипломника, вопросы сотрудников кафедры, рецензия оппонента. Я, как правило, завершал дискуссию, обобщая высказанные замечания, отмечая наиболее интересные, с моей точки зрения, достижения и результаты, а также возможные направления дальнейших исследований по данной теме. Иногда дискуссия была излишне напряжённой и эмоциональной, и я чувствовал, что в этом случае мог незаслуженно пострадать дипломник. Тогда, чтобы ослабить накал страстей, иногда применял юмор, что, в общем, помогало. Как-то, в последний день сессии, подошла ко мне одна дипломница и негромко поблагодарила: “Мы чувствовали, что Вы нас защищаете”. Впрочем, выпуск 1982 года был очень сильный: 15 “пятёрок” (кажется, из 20)!

Во время этих визитов в Казань приходилось ещё и выступать на заседаниях (семинарах) сотрудников кафедры метеорологии с последними результатами наших исследований по долгосрочной тематике (влияние лунно-солнечных приливов, эффективность аналогов и пр.). Доклады эти, как правило, воспринимались с большим интересом, вызывали массу вопросов, перерастающих порой в острую дискуссию. После майского заседания 1983 года мудрый, поседевший профессор Николай Васильевич Колобов заметил: “А ведь это

всё должное тянет на докторскую диссертацию”. (Это было приятно, но в том году линия моей творческой жизни уже меняла свою траекторию, но об этом позже.) Обсуждали мы на кафедре перспективы научно-технического сотрудничества университета и нашего института в сфере гидрометеорологии.

В мае 1983 года Ю.П. Переведенцев организовал радостную встречу группы выпускников кафедры метеорологии 1963 года. Нас было немного, человек восемь, но это было здорово: встретиться через двадцать лет!

Правда, пятью годами раньше, в октябре 1978 года, когда отмечалось 40-летие географфа университета, некоторые из нас принимали участие в тех праздничных заседаниях, встречах, застольях. И всё же за эти годы многое изменилось, практически у каждого нашлась своя ниша научного или околонуучного творчества. Первая вокалистка нашего выпуска Нина Данилова (Ильина) стала ведущим синоптиком АМСГ

Нина Данилова

Флера Хасанова

Клара Гатина

Казань, Флера Хасанова, Клара Гатина, Вера Чертова, Валя Орешкевич, Коля Рябов отдавали свои знания и энергию делу метеорологического обеспечения авиации в УГМС Урало-Сибирских регионов и Северного УГМС. Ира Добролюбова устроилась на работу оператором ВЦ Казанского университета. Наша вечная троечница, хохотушка, очаровательная и изящная Таня Лёвушкина (Дюкова) стала матерью троих детей, “гранд-дамой” и ведущим сотрудником

Вера Чертова

Республиканского Центра по

гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды Марийской АССР (г. Йошкар-Ола), а затем возглавила этот центр. А наш общий кумир Юрий Переведенцев, начав свою научную карьеру в КГУ в 1966 году, в 1978 году стал заведующим кафедрой метеорологии, а ещё через пять лет деканом факультета географии и геоэкологии.

Юрий Переведенцев

Валя Орешкевич

Таня Лёвушкина

Ира Добролюбова

Нет, не случайно в заголовке данной главы появилось слово “разочарования”. После года успешного применения метода фонового прогноза летних осадков (1980г.) в последующие три года расчётные прогнозы не оправдались полностью. Вопреки полученным ранее зависимостям при довольно высокой солнечной активности (больших числах Вольфа) летние месяцы 1981-83 годов на юге Западной Сибири оказались засушливыми. Так я в реальной жизни, как говорится, “на собственной шкуре” познал, что такое “неустойчивость зависимостей (связей)” долгопериодных процессов, полученных статистическими методами на материалах 70-75-летней выборки данных наблюдений. Пришлось принять решение об исключении данного метода из оперативной практики Новосибирского Бюро погоды.

Ожесточённой критике подверглась в Москве методика синоптико-статистического прогноза аномалий среднемесячной температуры в Западной Сибири: сначала на семинаре в отделе долгосрочных прогнозов Гидрометцентра, а затем на заседании ЦМКП Госкомгидромета в декабре 1981 года. Н.И. Зверев, С.К. Черкавский и другие оппоненты ругали автора (и, вероятно, справедливо) за то, что для многих месяцев к

оперативным испытаниям были предложены несколько вариантов уравнений регрессии; доказывали, что надо было при авторских испытаниях отобрать единственный вариант уравнения для соответствующего месяца. А то, что мы сделали, назвали продолжением НИР и даже “подтасовкой” результатов. В итоге пришлось согласиться с решением ЦМКП о продлении испытаний данного метода. В отношении физико-статистического метода В.В. Ерёмина критика была мягче.

Н.И. Зверев

Вечером, после заседания ЦМКП, когда мы с Володей были уже в гостинице, на нас обоих, как записано в моём дневнике, “напала ржачка” – истерический нервный смех; видимо, это была разрядка: мы вдруг вспомнили, как на какой-то внезапный вопрос главы ЦКМП Е.И. Толстикова Н.И. Зверев ответил набором бессмысленных фраз и звуков, глядя на Евгения Ивановича вытаращенными глазами. Но жестокий урок пошёл мне на пользу, в последующие годы при обсуждении программ испытаний различных методов я категорически возражал при попытках проведения испытаний поливариантных моделей прогноза.

В следующем году мы обнаружили влияние чётности Солнечного 11-летнего цикла на режим погоды в Западной Сибири. Оказалось, например, что в нечётных солнечных циклах вероятность засушливости в летние месяцы даже при высоких числах Вольфа больше, чем в чётных циклах. Но попытка учесть этот фактор только усложнила технологию прогноза, но не дала положительного результата. Более того, в процессе продолжающихся оперативных испытаний качество расчётно-регрессионных прогнозов аномалий температуры стало снижаться, правда, с некоторыми колебаниями. (Снова

проявления неустойчивости статистических связей!). Постепенно я пришёл к выводу, что использование современного статистического аппарата в поисках зависимостей и связей “предиктор - предиктант” даже с использованием критериев и уровней значимости (Пирсона, Стьюдента и др.) не гарантирует исключения ложных (случайных) закономерностей. Кажется, на рубеже 1983 года наступил мой интеллектуальный (или духовный?) кризис.

Кроме того, постоянно возникали трения и осложнялись отношения с руководством отдела и института.

В январе 1981 года Л.Н. Романов, как руководитель отдела, должен был завизировать наш раздел отчёта (том 2), так как мы выполняли одну тему НИР, но шли разными направлениями. Леонид Николаевич не признавал синоптико-статистического метода в долгосрочном прогнозировании. Свой отказ поставить автограф под нашим разделом мотивировал так: “У нас, математиков, всё сделано строго, а у вас, синоптиков, что попало...” Тогда Пушистов “взял грех на душу” и утвердил наш раздел отчёта даже при отсутствии визы начальника отдела.

Напряжённость в отделе возросла в следующем (1982) году, когда отдел получил разнарядку на сокращение штатов. Здесь у Л.Н. Романова возникла совершенно “иезуитская” идея: мы с И.Г. Храмцовой увольняем по одному сотруднику своих лабораторий, а Леонид Николаевич переведёт нужных ему людей на наши должности, сокращая свои две должности. В начале следующего года на Учёном Совете Л.Н. Романову предложили подготовить доклад об основных направлениях НИР в отделе; Леонид Николаевич ответил заявлением об отставке с должности начальника и предложением о расформировании отдела. Пушистов расхохотался: “Ну и весёлый мужик!”

Е.А. Чистякова

Непростыми стали отношения с головным центром в сфере долгосрочной прогностики – отделом Н.И. Зверева в Гидрометцентре. Во время командировки в Москву в марте 1983 года я на семинаре отдела доложил о последних результатах исследований эффективности аналогов разных видов и степени обеспеченности при составлении месячных прогнозов температурных аномалий в Западной Сибири. Реакция аудитории была бурной: если Николай Ильич демонстрировал полное

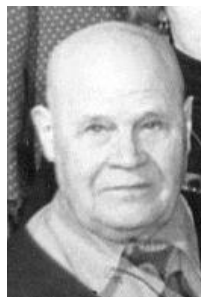
непонимание, то многие сотрудники отдела, темпераментный А.В. Попов, обаятельные и доброжелательные Е.А. Чистякова и Г.М. Чекмасова излучали абсолютное понимание и одобрение полученным результатам. В глазах ветеранов отдела, Л.Г. Борисовой и В.Г. Шишкова, я тоже видел поддержку.

Г.М. Чекмасова

Л.Г. Борисова

В.Г. Шишков

Не сумели мы с Н.И. Зверевым договориться и о перспективных планах НИР на 1983-85 годы. Николай Ильич настаивал на тематике по разработке метода прогноза

аномалий месячных сумм осадков в Западной Сибири: убеждал, что в комплексе с уже разработанным методом прогноза температурных аномалий это будет единый синоптико-статистический метод долгосрочного прогноза погоды и даже база для моей будущей докторской диссертации. Я вяло возражал, интеллектуальный скепсис уже проник к тому времени в мой мозг и душу...

Последняя серия конфликтов в нашем институте прошла в апреле того же года после моего возвращения из московской командировки. Весной 1983 года обострилась проблема производственных (служебных) площадей: проще говоря, не хватало рабочих мест. В здании на ул. Советской, дом 30 располагались структуры Западно-Сибирского Управления Гидрометслужбы (Бюро погоды, РВЦ, АСПД, РЦПОД, Обсерватория, ЦМС, аппарат...) и института, число сотрудников которого приближалось к 300. Отдел гидродинамических прогнозов в основном располагался в Академгородке, в здании ВЦ СОАН, но П.Ю. Пушистов хотел, чтобы часть отдела переселилась на ул. Советскую. Возникла ситуация, когда часть сотрудников чередовала бы надомный труд с пребыванием в здании института. И поскольку наше синоптико-статистическое направление не пользовалось популярностью ни у руководства отдела, ни у директора института, то предполагаемое число рабочих мест для нашей лаборатории оказалось явно меньше требуемого. Прошла череда скандальных заседаний, как записано в моём дневнике, “с капитальной руганью”; одно из них завершилось тем, что я “хлопнул дверью и ушёл”. Моя непримиримая позиция более всего не понравилась Петру Юрьевичу, о чём он публично заявил присутствующим. Я чувствовал себя униженным, не мог заснуть до глубокой ночи. В последующие дни всё чаще в голову приходила мысль уйти из института, согласиться с предложением возглавить вновь создаваемый Новосибирский Гидрометцентр и вообще: “Командовать самому и не допускать унижения”. Постепенно эта мысль превратилась в навязчивую

идею. Тем более, я вспомнил высказывание мудрого С.М. Шульмана: “Наукой надо заниматься до 40 лет, а после - администрированием”.

Справедливости ради надо сказать, что предложения возглавить Новосибирский Гидрометцентр стали мне поступать от руководства Управления (Р.Я. Гесс, В.И. Зиненко), Бюро погоды (М.Г. Петрова, Л.Н. Староватова) с августа 1982 года. Предложения возобновились в декабре этого же года и весной 1983 года. Я постоянно отвечал вежливым, но твёрдым отказом: тогда я ещё надеялся продвинуться в научных исследованиях, кроме того, меня не вполне устраивали финансовые условия новой работы, да и личность Василия Ивановича Зиненко, возглавившего весной 1982 года Управление Гидрометслужбы, воспринималась мной и некоторыми коллегами неоднозначно (“резок”, “может принимать непродуманные решения” и вообще, “часто машет пашкой без всякого повода”).

Спустя несколько дней после конфликта с руководством института состоялась моя беседа с М.Г. Петровой. Мудрая Мария Григорьевна не скрыла трудностей, возникающих в работе с В.И. Зиненко, дала критическую, но объективную оценку его компетентности в вопросах гидрометеорологии и прогнозирования, но завершила беседу фразой: “С ним можно работать!” Вечером того же дня (по случайному ли совпадению?) я шёл с работы рядом с С.М. Шульманом, который одобрил моё созревшее решение о “смене курса” и попутно дал чрезвычайно точные и меткие характеристики моим будущим коллегам.

В.И. Зиненко моё заявление о переходе в создаваемый Гидрометцентр принял благожелательно, заметив при этом: “В ГМЦ, кроме оперативки, тоже надо заниматься наукой”. Беседа с П.Ю. Пушистовым о моём переходе в Гидрометцентр также прошла “в деловом и конструктивном духе”. Пётр Юрьевич

был настроен благодушно: накануне он очень интересно рассказал на Учёном Совете о поездке в Италию и знакомстве с Гидрометслужбой этой страны. Мы с ним договорились о завершении в 1983 году выполняемой в нашей лаборатории научной тематики и возможном переводе некоторых её сотрудников в Гидрометцентр.

Под занавес прощания с институтом пришлось принять участие в проведении в стенах СибНИГМИ–ЗСУГМС всесоюзного совещания на тему “Гидрометеорологическое обеспечение народного хозяйства Сибири” (30.05-2.06). На совещание прибыли представители Госкомгидромета, Гидрометцентра СССР, ГГО, УГМС соседних регионов (А.И. Снитковский, К.Ш. Хайруллин, З.З. Халевицкий...). Снитковский в те годы возглавлял отдел по гидрометобеспечению органов власти страны; по приезде выразил желание пройти по городу. А конец мая 1983 года был холодный, пасмурный. Александру Исаевичу город не понравился, буркнул: “Угрюмый город!”; на площади Ленина внимательно осмотрел памятник вождю мирового пролетариата в компании с группой красногвардейцев: “Да, тяжело стоит”. На совещании я сделал доклад об эффективности и полезности различных аналогов, на одном из заседаний исполнял обязанности председателя, а на завершающем банкете в ресторане “Центральный” даже функции тамады. Короче, считаю, что совесть моя перед наукой чиста.

А жизнь катилась дальше, ставя новые проблемы. Вернусь на два года назад. В 1981 году наш сын Артур завершил, и очень прилично (с “четвёрками” и “пятёрками”), учёбу в средней школе; в августе без особого труда сдал вступительные экзамены и поступил в Новосибирский электротехнический институт (НЭТИ) на факультет “Автоматические системы управления” (АСУ). В сентябре началась его студенческая жизнь. Однако отсутствие жёсткого

контроля, ощущение полной свободы, вседозволенности и безнаказанности, что называется, “выбили парня из седла”. Артур стал пропускать лекции, семинары, лабораторные работы и к декабрю оказался на грани отчисления из ВУЗа. Последовали слёзы мамы Томи, истерика неудачника-студента, напряжённые переговоры с деканатом, грозные нотации отца. Тамаре Евгеньевне пришлось буквально за руку вести сына на лабораторные занятия, зачёты, контролировать подготовку и сдачу “хвостов”. С громадным трудом удалось отстоять его статус студента I курса НЭТИ; следующие год – полтора прошли уже спокойнее: у него появились признаки ответственности и самоконтроля. (Увы, ненадолго.)

Начало 80-х – это годы семейных утрат. 30 мая 1982 года в Казани скончалась моя мама, ветеран татарской сцены и гражданской войны. Угасла тихо, незаметно, во сне. Не было грома оркестра, почётного караула военных, о чём оно грезилась. На татарское кладбище маму провожали мой отец, сестра, прилетевшая из Куйбышева, два ветерана гражданской войны, одна из них – Марьям Зайнулина, коллега мамы из группы татарских артистов дивизии В.М. Азина, два солиста Татарского ансамбля песни и танца, двоюродный брат отца и я. Прихожая квартиры была тесная, гроб не проходил в двери. Пришлось взять маму на руки и спуститься с ней с четвёртого этажа во двор; мама была такая маленькая и лёгкая...

А летом 1983 года (26 июля) в марийском городе Звенигово, что на берегу Волги, скончался тесть (отец Тамары) Евгений Алексеевич Черкасов, ветеран финской и Отечественной войн, лётчик, а после войны – авиамеханик, Кавалер многих боевых наград. В 60-70-е годы мы всей семьёй часто приезжали во время летних отпусков в их гостеприимный дом, где нас ждал радушный и хлебосольный хозяин. Мы наслаждались красивой природой волжских берегов, дышали чистым воздухом местных садов, купались, загорали. А по радио звучал голос великой Людмилы Зыкиной:

“Издалека долго течёт река Волга”. Тамара летала на похороны отца, положила цветы на его могилу.

Е.А. Черкасов

С.Я. Пахневич

Несла потери и наша Гидрометслужба: 30 декабря 1981 года скончался легендарный Герой Советского Союза, участник знаменитого дрейфа на льдине полярной станции СП-1 (1937-38 гг.), бывший руководитель Гидрометслужбы страны, академик Е.К. Фёдоров. А в апреле следующего года мы простились с ветераном войны, бывшим главой ЗСУГМС (1948-58 гг.) С.Я. Пахневичем; в течение последующих 20 лет он возглавлял Новосибирскую гидрометобсерваторию. Это был предельно интеллигентный, доброжелательный человек. Вспоминается байка (почти анекдот), рассказанная мне Р.Я. Гессом. В 60-е годы в УГМС велась борьба с опозданиями на работу; виновных могли вызвать на беседу к начальнику Управления. Однажды в числе “опоздун” оказался Сергей Яковлевич. ”В чём дело?” – спросил его С.М. Шульман.

Оказалось, когда подошёл автобус, Пахневич вынужден был пропустить перед собой беременную женщину. “А почему не сели в следующий?” И на этот раз, как галантный мужчина, бедный Сергей Яковлевич уступил место в автобусе красивой (ну, очень красивой!) женщине. Шульман бессильно махнул рукой: “Идите уж к себе!”

Поразила безвременная кончина умницы, обаятельной и интеллигентной Д.И. Зенкевич, старшего синоптика Бюро погоды в марте 1983 года. Ей не было и 47 лет, говорили – от сердечной недостаточности. Была она очень музыкальна, вокально развита. Как-то Дина Ильинична напевала какую-то красивую мелодию и страшно удивилась, что я не знаю арию Нормы из оперы Беллини. Буквально на следующий день она подарила мне грампластинку с записью этой арии в прекрасном исполнении Галины Вишневской. Мы любили с ней обсуждать последние музыкальные события в нашей стране и за рубежом.

Д.И. Зенкевич

В начале 80-х уходили на пенсию, на заслуженный отдых ветераны нашей Западно-Сибирской Гидрометслужбы. В августе 1981 года вышел в отставку ветеран войны, кандидат географических наук Б.М. Кривоносов, заведующий лабораторией КАТЭК; эта лаборатория института занималась изучением климатических и циркуляционных условий района Канско-Ачинского теплоэнергетического комплекса. Были трогательные, проникновенные речи, море цветов, подарки, стихи. (Пометка в моём дневнике: “Чуть не испортил обедню С.Д. Кошинский – вечный и непримиримый оппонент Бориса Митрофановича по научной работе”.) Правда, это не было окончательным прощанием Б.М. Кривонососова с гидрометслужбой, вскоре он стал работать заместителем директора Новосибирской Гидрометобсерватории.

Е.В. Тархов

В следующем месяце подал в отставку начальник отдела гидрологии Гидрометобсерватории Е.В. Тархов. В годы войны он командовал артиллерийской батареей, отличился в боях за освобождение Украины, Венгрии, Чехословакии, кавалер многих боевых наград. Как профессиональный гидролог, он вложил много знаний и усилий в развитие и укрепление наблюдательной гидрологической сети в бассейне Оби и Томи.

Весной 1982 года С.М. Шульман передал “трон” руководства Управлением В.И. Зиненко и перешёл на скромную инженерную должность в спутниковом центре (ЗСРЦПОД). В феврале 1983 года Гидрометслужба проводила на пенсию В.М. Яркову, кандидата географических наук, создателя ряда расчётных методов прогноза тумана и сильных ветров, которые в течение нескольких десятилетий применялись на АМСГ и Бюро погоды ЗСУГМС и других управлений.

В мае 1983 года настала очередь ветерана Службы, бывшего начальника Бюро погоды М. Г. Петровой. Слушая прощальные речи, она плакала навзрыд; вспоминалось, как пять лет назад, отмечая её 55-летие, мы с секретарём начальника РВЦ Н.А. Кречетовой пели сложенные в её честь частушки, тогда она тоже растрогалась до слёз.

Н.А. Кречетова

Ну, не из одних же печалей была соткана наша жизнь! В ноябре 1981 года торжественно чествовали в актовом зале директора

института и “нашу старшую сестру”, начальника отдела краткосрочных прогнозов Бюро погоды, М.А. Черкесову, награждённых орденом “Знак Почёта”. В июне 1982 года я был приглашён в отдел гидрометфонда НГМО; коллеги праздновали 50-летие службы начальника отдела Ю.П. Петрова в Западно-Сибирском УГМС. В своём приветствии я напомнил Юрию Пантелеймоновичу, что он в какой-то мере виновник моего распределения после ВУЗа в Новосибирск: именно он сообщил летом 1962 года мне, что здесь в столице Сибири будет со временем мощная региональная Гидрометслужба.

А в декабре 1982 года вся страна и, как раньше писали, «всё прогрессивное человечество» отпраздновали 60-летие создания великого Советского Союза. По этому случаю силами всех подразделений УГМС были организованы грандиозные представления самодеятельности. Бюро погоды в цветастых халатах и платьях представляло братский Узбекистан, звучали песни, узбекские мелодии, юмористические сценки на смешанном узбекско-русском языке. Коллектив РЦПОД, изображая темпераментных джигитов Грузии, с лихо закрученными усами и свирепыми криками, отчаянно танцевал быструю лезгинку. Мелодично пели на украинской “мове” и танцевали гопака в украинских платьях и рубашках-“вышиванках” ребята и девчата РВЦ. Ударным номером обсерватории стал русский танец на мелодию песни “Лапти”, в которой блистали переодетый в женское платье Ю.П. Петров, а в виде лихого молодца гарцевала инженер отдела Л.А. Архипова.

Вспомнил ещё один музыкальный эпизод. Весной 1981 года на смотре художественной самодеятельности НПО “Карболит”, где работала моя супруга Тамара, мы с ней довольно прилично спели романс М.И. Глинки “Не искушай” и даже заняли какое-то призовое место. Вообще, в те годы художественная самодеятельность Западно-Сибирской Гидрометслужбы была в фазе расцвета. Объединённый

Мы с Тamarой поём романс

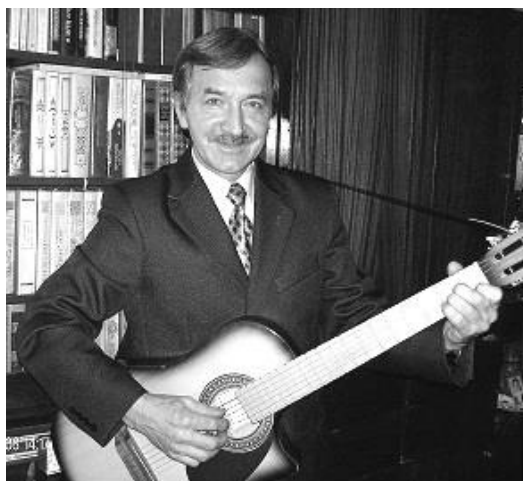
В. Бурыхин (справа) и О. Лысков

комитет профсоюзов находил денежные средства, чтобы для нашего вокального коллектива приглашать музыкальных руководителей, в качестве которых обычно выступали студенты пятого курса – хоровики Новосибирской консерватории. Занимаясь с нами, они шлифовали наши голоса, учили вокальному дыханию, добивались ансамблевой согласованности, чувства сцены. По музыкальности и красоте голоса, на мой взгляд, ярко выделялись сотрудники нашего РВЦ, особенно Володя Бурыхин (лирический тенор, точнее – тенорок) и Олег Лысков (мягкого тембра баритон). В те годы “хитом” нашего вокального ансамбля была песня “Маруся” (из к/ф “Иван Васильевич меняет профессию”). И вот Володя на беспредельно высокой ноте запекает: “Маруся молчит и слёзы льёт...”. А Олег на крайне низкой октаве ему мрачно вторит: “Капают слёзы на копьё... Кап-кап”. В зале смех, овация. Нашим самодеятельным театром, постановками отдельных

спектаклей и сцен руководила известная актриса театра “Красный факел”, Заслуженная артистка РФ В. Мороз. В конференц-зале УГМС всегда был аншлаг, когда с драматическими и юмористическими монологами на сцене выступали Ю.П. Зелепугин, И.М. Касацкая и Ф.Л. Бабаева. В 70-80-е годы возшла звезда первого конферансье и поэта Гидрометслужбы В.Е. Липчанского. (По крайней мере, таким он сам себя считал в те годы, да и позже.)

Ф.Л. Бабаева

В.Е. Липчанский

Я иногда думаю, не слишком ли много и весело мы в те годы пели, танцевали и выступали? А ведь начало 80-х – это эпоха больших торжественных похорон лидеров, вождей страны, предвещавшая грядущие катаклизмы. В 1980 году скончался премьер правительства страны А.Н. Косыгин, один из самых умнейших и уважаемых руководителей, мечтавший реформировать и модернизировать экономику СССР. (Кстати, не помню ни одного анекдота, связанного с именем Алексея Николаевича.) В следующем году ушёл из жизни главный идеолог КП и СС М.И. Сулов, партийный лидер, который пользовался явно меньшим уважением. 10 ноября 1982 года настал черёд верховного и генерального правителя вся страны

Л.И. Брежнева, “четырежды” или ”пятижды” Героя, увешанного орденами и медалями от шеи до копчика, объекта множества анекдотов (особенно, в последние годы жизни), любителя выступать с пространными речами перед “многосисечной аудиторией”. Отец мой, член партии, относился к Леониду Ильичу с некоторой долей иронии. “Слушал недавно речь Брежнева”, – писал он мне, – “замечательная, правильная речь, но на следующий день в Казани исчезло мясо...” 15 ноября я наблюдал по телевизору в одной из комнат нашего РВЦ панихиду в Колонном зале Дома Союзов, а затем похороны генсека у Кремлёвской стены. Лица проходящих мимо гроба были серьёзными, но слёз я не заметил. Масса зарубежных лидеров: от госсекретаря США Шульца до министра иностранных дел Китая Хуана Хуа. Показалось, что гроб опустили в могилу стремительно, почти бросили – был слышен громкий хлопок. Под звуки гимна прошёл почётный караул. Преемником Л.И. Брежнева стал Ю.В. Андропов, бывший глава КГБ, с обликом умного, слегка усталого интеллектуала, видящего нас насквозь и всё понимающего.

Сразу после смерти Леонида Ильича город в Татарстане на берегу Камы с прелестным названием Набережные Челны был переименован в город Брежнев, правда ненадолго. Через несколько лет общественность, прославляя эпоху “перестройки” и кляня эпоху “застоя”, вернула городу историческое имя. Не повезло и другим вождям партии и страны. Вернулись к прежним названиям Рыбинск, переименованный после смерти Юрия Владимировича в город Андропов, а также Ижевск, получивший имя Устинов в 1984 году после смерти маршала и министра обороны. А всё же названия “Ленинград” и “Сталинград” мне импонируют больше, чем современные названия этих городов. Они мне представляются более яркими, благозвучными и даже музыкальными. Как поётся в известной и мелодичной песне В.

Соловьёва–Седого: “В целом мире нет/ Нет красивее/ Ленинграда мо-о-его-о!”

Да, жизнь действительно катилась и ставила новые задачи и проблемы.

Глава 7. Гидрометцентр. Первые шаги: достижения, трудности и переживания.

В 1982-83 годах по решению Госкомгидромета СССР во всех территориальных управлениях Гидрометслужбы создавались гидрометеорологические центры на базе реорганизации (объединения, слияния) головных структур службы: Бюро погоды и гидрометеорологических обсерваторий. Целью создания Гидрометцентров было обеспечение более высокого качества гидрометобслуживания народного хозяйства и, как тогда писали, “партийных и советских органов” на базе улучшения координации методической работы с прогностической и наблюдательной сетью, активного внедрения передовых методов и технологий гидрометрогнозов и наблюдений, обработки гидрометданных, издания режимно-справочных материалов. По замыслу руководства Гидрометслужбы Гидрометцентры должны были стать основными оперативно-производственными структурами, своеобразными “локомотивами” научно-технического, организационного и методического прогресса деятельности Службы.

1 июля 1983 года, приказом по Западно-Сибирскому УГМС №225 от 30 июня этого же года, Новосибирское Бюро погоды и Новосибирская Гидрометобсерватория были реорганизованы в Новосибирский Гидрометцентр.

Наступил июль 1983 года, завершился мой последний отпуск в качестве заведующего лабораторией долгосрочных прогнозов погоды института. 22 июля я написал заявление о моём приёме на работу в Западно-Сибирское УГМС на должность начальника Новосибирского Гидрометцентра.

Западно-Сибирскую гидрометслужбу возглавлял, начиная с 1982 года, Василий Иванович Зиненко. Его заместителями были Роман Яковлевич Гесс и Виктор Григорьевич Рубекин. Как бы я сказал сейчас, это была крепкая, волевая команда с непростым, сложным характером каждой личности. Р.Я. Гесс занимался гидрометобеспечением и работой наблюдательной сети, а В.Г. Рубекин отвечал за техническую политику и деятельность технических подразделений. Реже я контактировал с двумя другими заместителями: Анатолием Фёдоровичем Бойковым, который курировал мониторинг загрязнения природной среды, и Александром Ивановичем Кутенковым, отвечавшим за строительство и ремонт.

В.И. Зиненко

Р.Я. Гесс

В.Г. Рубекин

Руководство нового Новосибирского Гидрометцентра, на мой взгляд, отличалось высоким уровнем профессиональных знаний и большим опытом работы. Людмила Николаевна Староватова, ставшая главным

синоптиком и, зачастую, моим заместителем, была опытным прогнозистом с более чем двадцатилетним стажем. Моим вторым заместителем и куратором деятельности режимных отделов по методическому руководству наблюдательной сетью стал Александр Григорьевич Каминский; тоже опытный специалист-гидролог, он перешёл к нам из отдела гидрологических исследований института, где, между прочим, занимался изучением снежных лавин Горной Шории.

М.С. Побочина

В.С. Громова

В.А. Емельянова

Штат Гидрометцентра 80-х годов был довольно многочисленным – 151 единица! Самым крупным был отдел краткосрочных прогнозов погоды (более 30 человек), который возглавляла Марина Александровна Черкесова. Отделом долгосрочных прогнозов руководила Майя Григорьевна Зубович. Начальником отдела гидрологических прогнозов была Вера Семёновна Громова, а отдела агрометеорологических прогнозов – Мария Степановна Побочина.

Помимо оперативно-прогностических отделов в состав Гидрометцентра вошёл ряд отделов бывшей обсерватории, которые занимались методической работой и инспекциями наблюдательной сети, а также подготовкой и изданием режимно-справочных материалов наблюдений на территории

А.А. Тюменцева

И.Н. Тошакова

И.М. Касацкая

Западно-Сибирского УГМС. Отделом метеорологии руководила опытный специалист с многолетним стажем Вера Алексеевна Емельянова, отделом гидрологии и водного кадастра - Инна Николаевна Тошакова, которой эстафету руководства передал Е.В. Тархов. Отдел агрометеорологии возглавляла Алла Александровна Тюменцева. Отделами аэрологии и гидрометеорологического фонда данных руководили ветераны Службы: Борис Митрофанович Кривоносов и Юрий Пантелеймонович Петров. В 1984 году были созданы и вошли в состав нашего Гидрометцентра ещё два отдела: климата, начальник Валентина Георгиевна Осокина, и гидрометобеспечения и расчётных методов, начальник Инна Михайловна Касацкая. Замечу, 6 отделов (из 11) возглавляли ветераны Гидрометслужбы пенсионного либо предпенсионного возраста. Немало ветеранов трудилось и в трудовых коллективах. Группу инспекторов, например, которая входила в состав отдела метеорологии, возглавлял ветеран Великой Отечественной войны Юрий Николаевич Изнаирский, а в его группе плодотворно работал инспектором сети другой ветеран войны Яков Афиногенович Гусев. Казалось бы, сочетание богатого опыта, мудрости с профессионализмом и амбициозными проектами более молодого поколения – это скорее на пользу общему делу. Однако, порой возникали

курьёзные моменты. Как то на одной из планёрок руководства Гидрометцентра была поднята какая-то проблема; началась дискуссия, поиски вариантов возможного решения. Когда решение как будто было найдено, подаёт голос Борис Митрофанович: “Это решение не годится, оно противоречит указанию Госкомгидромета, номер такой-то, от такого-то числа, пункт такой-то, раздел – соответствующий”. Оставалось только развести руками... Комфортнее я чувствовал себя с коллегами моего поколения. Людмила Николаевна, как главный синоптик Гидрометцентра, сочетала в себе не только блестящий опыт работы и тонкую прогностическую интуицию, но и умение находить компромиссные решения и не входить в конфликты с вышестоящим руководством. Александра Григорьевича, как главного методиста по работе с сетью, отличало поразительное умение доводить до предельного совершенства методические письма и указания сетевым организациям: и по ясности мысли, и по стилю изложения. Порой он не ограничивался составлением одного варианта письма, готовил параллельно другой вариант. Вот тут и покачаешь головой: ну, оба варианта хороши!

Я.А. Гусев

Ю.П. Петров

Ю.Н. Изнаурский

Конечно, в первые месяцы моей работы в качестве начальника Гидрометцентра, захлёстывала откровенная “канцелярщина”: составление и согласование с руководством положения о Гидрометцентре, штатно-окладного расписания Центра, премиального положения; а ещё надо было заниматься вопросами организации и проведения так называемого “социалистического соревнования”, подготовки соответствующих критериев и документов. Постепенно понял, что 8-часовой рабочий день не для меня. Мне больше подходит понятие “ненормированный рабочий день”. Стал задерживаться на работе до 18-19 часов, брал документы домой на вечер, на выходные.

И откуда во мне появилась надежда, что с переходом на должность руководителя Гидрометцентра конфликтов станет меньше?! Наоборот, конфликты стали ярче и масштабнее. Похоже, сотрудники Бюро погоды и Обсерватории надеялись, что с созданием Гидрометцентра их заработная плата существенно возрастет. Когда же эти надежды не оправдались, наступил социальный взрыв; недовольны были и режимно-методические, и прогностические отделы. Обсуждения штатного расписания шли бурно, со слезами, заявлениями об увольнении, угрозами жаловаться и в руководство Гидрометслужбы, и в ЦК КПСС. На профсоюзных собраниях отделов звучали жалобы, что именно к сотрудникам данного (конкретного) отдела отнеслись по штатам и окладам предвзято. Но откровенную жалобу в Москву реализовал только один руководитель отдела – М.Г. Зубович; почему-то я от неё такого шага не ожидал. “И ты, Брут!” – вспомнил я из классики, когда в начале 1984 года на планёрке рукосостава В.И. Зиненко зачитал ответ Госкомгидромета на её жалобу. Естественно, негативное отношение коллектива к штатно-финансовой проблеме Гидрометцентра объяснили слабой политико-воспитательной работой руководства ГМЦ, то есть “вашего покорного слуги”.

Еженедельно, по понедельникам, в 10 часов утра проходила оперативная планёрка руководства УГМС при начальнике управления, где руководители структурных подразделений Управления докладывали о существующих проблемах, достижениях, удачах и упущениях в работе. За час до этой планёрки я проводил свою “оперативку”, где начальники прогностических отделов Гидрометцентра докладывали мне об успешности всех видов гидрометпрогнозов и штормовых предупреждений (или “проколах”), а я эти сведения докладывал руководству УГМС.

Для улучшения качества всей нашей работы следовало добиться повышения уровня координации прогностической и наблюдательно-режимной деятельности в сфере гидрометеорологии. Ещё в прошлом веке было показано: чем лучше и качественнее наблюдаем, тем лучше мы прогнозируем. А для начала неплохо бы научиться и прогнозистам, и режимникам слушать, и, главное, слышать друг друга. Еженедельно, по четвергам, я проводил общую планёрку с участием всех руководителей и прогностических и режимно-методических отделов. Вот здесь нередко возникали вопросы, дискуссии, связывающие качество

В.Т. Дьяченко

прогнозов с полнотой и качеством гидрометнаблюдений. Особенно это было заметно, когда на планёрку приходила руководитель группы наносителей ЗСРВЦ (НСАСПД) Валентина Тимофеевна Дьяченко и докладывала о поступлении и качестве метеорологических и аэрологических данных наблюдений не только по территории Западно-Сибирского УГМС, но и сопредельных территорий: Казахстана, Омского и Красноярского УГМС; обобщая эти сведения, она давала сводную оценку полноты синоптических карт и барической топографии.

Ежемесячно, в третий рабочий день, начальник УГМС проводил совещания руководителей структурных подразделений, где каждый докладывал результаты своей деятельности за истёкший месяц. Как начальник Гидрометцентра, я докладывал о качестве всех видов гидрометпрогнозов и наблюдений (информации). Если с первым было всё ясно – это были свежие, оперативные данные прошедшего месяца, то данные о качестве гидрометнаблюдений и информации получались только с двухмесячным опозданием: после проверки специалистами режимных отделов соответствующих книжек наблюдений гидрометстанций и постов. И как тут отследить взаимосвязь качества наблюдений и прогнозов, как доложить руководству? А ведь бывало всякое: стабильно высокое качество наблюдений, но снижение оправдываемости прогнозов, или при снижении качества наблюждённой гидрометинформации – блестящие прогнозы. Как объяснить руководству УГМС, что на успешность прогнозов и штормпредупреждений влияет фактор естественной изменчивости или стабильности атмосферных процессов, а также то, что существующие методы прогнозов (синоптические, гидродинамические, статистические) не являются абсолютно точными, а по существу своему они всё же вероятностные?! И наконец, есть же просто везение, чёрт возьми! В случае снижения оправдываемости прогнозов или штормпредупреждений реакция руководства Управления была предельно короткой, простой и ясной: “Разобраться и наказать!” И оспаривать это решение было бесполезно.

Впрочем, одна из проблем в цепочке “прогноз – наблюдательная сеть” была очевидной. В случае прогноза резких изменений погоды (РИП) или опасных гидрометявлений (ОЯ) мы составляли штормовые предупреждения и передавали их на сеть гидрометстанций по каналам Министерства связи. Соответствующие телеграммы доходили до гидрометстанций и потребителей в районах области только через несколько часов

после составления прогноза (предупреждения). Очень поздно и неприемлемо: особенно в случае составления предупреждений об ОЯ с малой заблаговременностью, например, в летнее время о шквалах, граде, сильных ливнях.

В ноябре 1983 года во время командировки в Казань я познакомился с директором Казанской гидрометобсерватории А. Шлычковым и его коллегами, которые поделились опытом своей работы по гидрометобеспечению потребителей и методическому руководству наблюдательной сети. Меня буквально привело в восторг использование специалистами ГМО ведомственных (республиканских) каналов связи для оперативного доведения штормовой информации об ОЯ до наблюдательной сети. По итогам моей поездки в Казань, после доклада руководству нашего УГМС было поручено Новосибирскому АСПД, которым руководил Николай Иннокентьевич Кухарский, совместно с Гидрометцентром учесть опыт Приволжского УГМС (Казанской ГМО) и провести переговоры со службами связи в Новосибирске. Переговоры были успешными: уже в апреле 1984 года я подписывал у начальника УВД Новосибирской области генерала Батурина и у начальника областного управления связи А.А. Нехаевой уточнённый “Порядок передачи штормовых предупреждений о стихийных бедствиях”. Помнится, Антонина Анисимовна была дамой, что называется, в летах, но моложавой внешности и со звездой Героя Социалистического Труда на груди.

Н.И. Кухарский

Это было крупным организационно-технологическим достижением того времени (1984 год), когда в результате внедрения схемы внутриобластной ведомственной связи для циркулярного доведения штормпредупреждений об ОЯ эта информация стала доходить одновременно до начальника

гидрометстанции и председателя райисполкома за 8-10 минут (вместо нескольких часов). Далее оперативная цепочка могла идти по внутренней районной диспетчерской связи до руководителей колхозов, совхозов и местных предприятий (организаций).

Необходимые рекомендации и указания были переданы в оперативно-прогностические подразделения (Гидрометобсерватории, гидрометбюро) других регионов Западно-Сибирского УГМС, и в течение 1984 года описанная технология использования ведомственной связи руководящих органов для передачи штормпредупреждений об ОЯ от прогностического органа на сеть станций и в районные органы власти была внедрена на всей территории Управления.

Но я, кажется, несколько опередил события. Вернусь в начало года. В 20-х числах января во время командировки в Москву, после заседания ЦМКП, где я доложил предварительные результаты оперативных испытаний своего метода долгосрочного прогноза аномалий среднемесячной

С.К. Черкавский

температуры в Западной Сибири, состоялась моя встреча с начальником УГМО Госкомгидромета Сергеем Константиновичем Черкавским. Я представился в качестве начальника Новосибирского Гидрометцентра. Сергей Константинович запомнился мне ещё по одному из совещаний Гидрометслужбы, проходившему в 1971 году в Киеве. Показалось, что, несмотря на прошедшие 13 лет, он внешне мало изменился: всё тот же внимательный, доброжелательный взгляд, густые почти “брежневские” брови, свободная, чистая речь. Наша беседа длилась около полутора часов и касалась широкого круга проблем: организационно-методических,

кадровых, взаимодействия с руководством УГМС и СибНИГМИ. Сергей Константинович подчеркнул, что на создаваемые в стране Гидрометцентры руководство Госкомгидромета возлагает большие надежды. Просил ускорить становление и развитие отдела климата, подготовку нового климатического справочника. (Кстати, в начале января мы с трудом нашли место для климатологов нашего Гидрометцентра, разместив их в проходном цоколе первого этажа здания УГМС, рядом с отделом гидрометфонда; естественно, не обошлось без малоприятной перепалки с начальником этого отдела Ю.П. Петровым.) С.К. Черкавский сообщил, что в ближайшие годы будут проведены специальные совещания начальников Гидрометцентров с целью выработки конкретной программы действий.

И кто это назвал начало 80-х годов “эпохой застоя”?! Помимо социалистических обязательств в честь очередных (и внеочередных) пленумов ЦК КПСС и партийных съездов мы были обязаны выдавать ежегодные планы по изучению, обобщению и внедрению передового производственного опыта в системе Гидрометслужбы применительно к нашему Управлению, а затем составлять соответствующие отчёты. Так, в таком плане на 1984 год предполагалось с учётом передового опыта Северного УГМС разработать положение о гидрометеорологическом обеспечении народно-хозяйственных организаций гидрометстанциями, а также распространить опыт гидрометобеспечения сельского хозяйства комсомольско-молодёжных коллективов. И что?! “Положение” для гидрометстанций было разработано, выслано на наблюдательную сеть; в обязанность начальникам станций вменили лично докладывать руководителям районных партийных и советских организаций об угрозе ОЯ и РИП, о складывающихся агрометусловиях. А победителю в социалистическом соревновании молодёжных коллективов агрометстанции Огурцово (Новосибирск) было дано задание

подготовить и направить на экспозицию ВДНХ (МОСКВА) брошюру с докладом о результатах своей работы.

Вообще, в 80-е годы прошлого века страна жила под лозунгами реализации Продовольственной программы и Долгосрочной программы мелиорации и орошения, а, значит, помимо обычных месячных и годовых планов были разработаны целевые комплексные программы Госкомгидромета по совершенствованию гидрометобеспечения народного хозяйства и Продовольственной программы СССР (применительно к территории Западно-Сибирского УГМС). По всей стране и в Сибири создавались агропромышленные объединения разного уровня: от районных (РАПО) до областных (ОблАПО). Гидрометеорологи заключали договора о социалистическом содружестве с предприятиями и организациями АПО и НИУ, развивалось соцсоревнование. Таким образом, сельское хозяйство становилось, а точнее – было просто обречено стать основным потребителем (не люблю это слово!), вернее – пользователем нашей гидрометинформации.

Западно-Сибирское УГМС имело план по гидрометобеспечению Продовольственной программы на своей территории; каждое подразделение Управления отвечало за выполнение определённого этапа (мероприятия). В конце мая 1984 года на открытом партийном собрании были рассмотрены результаты выполнения этого плана, а доклад об этом поручили сделать мне, хотя я не состоял в рядах КПСС. Но Гидрометцентр значился первым в списке ответственных исполнителей. Пришлось собрать соответствующие сведения у своих коллег – руководителей подразделений, обобщить их и выступить. Доклад, помнится, присутствующие оценили в целом как содержательный и конструктивный, но некоторые ораторы упрекнули докладчика в отсутствии партийного “горения” и стремления к “мобилизации трудящихся масс” для

выполнения Программы Партии (“Демагогия и богадельня!” – подумал я и записал в своём дневнике.)

В 20-х числах августа 1984 года начальник УГМС В.И. Зиненко собрал в своём кабинете ведущих синоптиков Гидрометцентра и задал вопрос: “Можем ли мы в период начавшейся уборки урожая предложить селянам какие-то новые виды гидрометпрогнозов?” Завязалась жаркая и продолжительная дискуссия. В начале 80-х годов Новосибирский РСМЦ получал численные гидродинамические прогнозы атмосферных процессов (барических полей) ведущих мировых центров: Национального Метеорологического Центра (НМЦ) США и Европейского Центра среднесрочных прогнозов погоды (ЕЦССП) из Рединга. В последнее время мы стали замечать, что численные прогнозы предсказывают довольно удачно резкие меридиональные преобразования атмосферной циркуляции (блокинг, циклогенез и пр.) не только на ближайшие сутки – двое, но и порой в последующие несколько дней. А что если?..

Так родилась идея составлять для сельского хозяйства в период уборки урожая, а в последствии, и для посевной кампании, прогнозы погоды на пять суток вперёд (вместо трёхдневных прогнозов); составляли мы их два раза в неделю и доводили до руководства области специальными докладными. Практиковались “скользящие” уточнения месячных прогнозов погоды; например, в конце первых декад августа или сентября удавалось подобрать аналоги и уточнить прогноз погоды на вторую–третью декады этих месяцев. Агрометеорологи нашего Гидрометцентра помимо прогноза среднеобластной урожайности зерновых культур (яровой пшеницы) стали составлять прогнозы урожайности по районам области.

Конечно, мы рисковали и нередко ошибались по причине ошибок численных прогнозов. Чиновники Управления сельского хозяйства Э.И. Камерлох, Воробьёв и другие

сетовали (ворчали, брюзжали) на эти ошибки, особенно в случае непредсказанных осадков, мешавших уборке урожая. В конце первой декады октября 1984 года температура в ночные часы упала до минус 10...15°C, установился временный снежный покров, а неубранными оставалось ещё 300 тысяч гектаров. В начале ноября захожу в кабинет Камерлоха для консультаций о погоде; начинается снегопад, а Эдуард Иванович кричит кому-то в телефонную трубку: “Жмите на комбайны!” А далее – матом. Мой дневник пестрит записями о том, как осенью 1985 года пришлось краснеть перед руководством то за непредсказанные заморозки, то, наоборот, в уточнении прогноза на сентябрь дали ненастную, холодную погоду, а в начале второй декады месяца наступила сухая, благоприятная для уборки урожая погода.

Но самым активным и, надо сказать, компетентным пользователем нашей гидрометинформацией был заместитель председателя облисполкома Новосибирской области и глава Новосибирского ОблАПО А.Г. Незавитин. На столе чиновника в его кабинете всегда громоздилась стопка декадных или сезонных агрометеорологических обзоров нашего Гидрометцентра. К нему поступали наши докладные о пятидневных прогнозах погоды, которые иногда возвращались к нам в Гидрометцентр (в случае ”проколов”) с резолюцией: “Надо прогнозировать точнее!” На декабрьской 1985 года фотографии запечатлён момент, когда главный синоптик Гидрометцентра Л.Н. Староватова консультирует Анатолия Григорьевича о возможных катаклизмах погоды, а чиновник, кажется, даже понимает логику развития атмосферных процессов. При всём умении ценить и использовать в своей деятельности наши гидрометданные, Незавитин не понимал и не признавал вероятностной природы атмосферных процессов, самих прогнозов погоды и, тем более, права прогнозистов на ошибки. В случае грубых ошибок, он был беспощаден. Не могу забыть ситуацию на 20 декабря 1984 года. На утро этого дня синоптик предполагал смещение к Новосибирску волнового

*Декабрь 1985 года. Р.А. Ягудин, А.Ф. Бойков, А.Г. Незавитин,
Л.Н. Староватова (слева направо).*

возмущения из районов Урала со снегопадами и ослаблением мороза до минус 23...25°C. Фактически же, эта волна действительно сместилась к югу, но с большей скоростью, и к утру столица Сибири оказалась в тыловой части волны, в условиях холодного арктического вторжения с минимальными температурами ниже минус 35°C. В этот день мы с Р.Я. Гессом были приглашены на совещание в облисполком, где Анатолий Григорьевич нас буквально “высек”. Зачитал наш прогноз, огласил фактическую температуру, а затем, сильно окая, изрёк: “Что это такое?! Думаю, синоптик должен понести самое суровое наказание!” В глазах у меня потемнело: “Ах, ты!..” Я рванулся и вдруг почувствовал на своей руке “железную” руку Романа Яковлевича: “Сиди!” После возвращения в Управление В.И. Зиненко дал мне указание подготовить приказ о наказании синоптика-неудачника с формулировкой “за некачественное обслуживание облисполкома”. А мне, поскольку я не раз

пытался доказать несправедливость такого приказа, “дал тихий втык за строптивость”, как записано в моём дневнике.

Я иногда думаю, что лучше: такой требовательный, привередливый и, даже, в чём-то беспощадный чиновник, но компетентный, умеющий правильно, эффективно использовать данные Гидрометслужбы в своей деятельности или равнодушный, безразличный к гидрометеорологии чинуша, умеющий только при явных ошибках прогнозирования принимать поспешные решения об увольнении ведущих гидрометеорологов, не вникая в природу самих ошибок. Кажется, ответ очевиден.

30 сентября 2020 года газета “Советская Сибирь” сообщила о кончине Анатолия Григорьевича Незавитина. Светлая ему память, и пусть земля ему будет пухом!

Возвращаясь к событиям 80-х годов, вновь и вновь поражаюсь масштабам и объёму оперативно-производственных работ и информационных материалов, представляемых в те годы для нужд сельского хозяйства. Ведь в 1983-84 годах агрометеорологи ГМЦ и других подразделений Управления проводили не только наземные, но и авиационные обследования сельхозкультур совместно с работниками ОблАПО и даже обкома КПСС с применением спектрофотометрии и аэрофотосъёмки. Особенно это было актуально во время летней засухи 1983 года, когда с помощью авиации было обследовано состояние яровых зерновых культур в 18 районах области. В третьих декадах июня и июля 1984 года такие обследования проводились на вертолётах МИ-2 и МИ-8 с 30-35 посадками на полях и взятием образцов растений. В том году по территории Управления было проведено девять авиационных маршрутных обследований на площади более 2 млн. гектаров, а наземных - на площади 1,3 млн. га.

Западно-Сибирское УГМС имело возможность содержать целую лётную партию специалистов, которые в интересах агрометеорологов и гидрологов проводили гамма-съёмку влажности почвы и снежного покрова на территории Управления. Так, гидрологи нашего Гидрометцентра использовали данные авиационной гамма-съёмки снежного покрова весной 1985 года при составлении долгосрочного прогноза максимальных уровней весенне-летнего половодья и объёма бокового притока к створу Новосибирской ГЭС. А данные влажности почвы в 30-сантиметровом слое в 25 районах Новосибирской области, полученные с помощью гамма-съёмки в третьей декаде сентября, были использованы для составления агрометеорологами Гидрометцентра справочной информации о запасах влаги в почве перед началом зимы для руководства сельского хозяйства области (наряду с наземными данными).

В целях эффективного обслуживания Продовольственной программы страны 11 гидрометстанций нашего Управления проводили агрометеорологические наблюдения на полях с интенсивной технологией выращивания яровой пшеницы, а данные этих наблюдений доводились до селян в виде соответствующих справок.

Октябрьский пленум ЦК КПСС 1984 года провозгласил Долгосрочную Программу мелиорации земель, а Госкомгидромет озадачил структуры Гидрометслужбы страны составлением планов гидрометобеспечения этой Программы и согласованием их с региональными управлениями мелиорации и водного хозяйства. Весной 1985 года на встрече В.И. Зиненко с главой такого управления по Новосибирской области Ф.А. Чуевым план обслуживания этой программы был утверждён; в дополнение к нему Чуев выразил заинтересованность в разработке метода прогноза урожайности сельхозкультур для орошаемых земель. Василий Иванович поручил мне провести переговоры с учёными-агрометеорологами СибНИГМИ по

этому вопросу; мы договорились с заведующей отделом агрометеорологических исследований института М.И. Черниковой, что задача прогноза урожайности для орошаемых земель будет включена в качестве одного из этапов выполняемой в настоящее время тематики НИР. А в целях реализации планов обслуживания Программы мелиорации агрометеорологические наблюдения в 1985 году на орошаемых полях с многолетними травами и овощами вели на территории Западно-Сибирского УГМС 23 гидрометстанции и агрометпостов; при этом, на основании расчётов наших станций в овощеводческих хозяйствах производился полив сельхозкультур, что, конечно, давало определённый экономический эффект.

В отдельные годы для целей стратегического планирования Управления сельского хозяйства и ОблАПО запрашивали весьма объёмную информацию. Так, в 1984 году, поступил запрос на справку об агрометусловиях формирования урожая в Новосибирской области 1981-83 годов и складывающихся условиях под урожай 1984 года. А в 1985 году потребовались данные об агрометусловиях осенне-зимнего периода 1965-75 годов в сравнении с соответствующим периодом 1984-85 годов и выводами, какие годы предшествующего периода могут служить аналогами к нынешнему году.

...И где же, я вас спрошу ещё раз, признаки “застоя”? Страна ставила задачи, а Гидрометслужба на местах откликалась в меру своих возможностей и способностей!

А ведь наше взаимодействие с сельским хозяйством не ограничивалось только информационным обеспечением аграрного сектора. В 80-е годы мы просто обязаны были оказывать селу так называемую “шефскую помощь чисто физически: направлением своих молодых (и не очень молодых) сотрудников осенью на уборку моркови, капусты, картофеля в

совхозах (Морской, Плотниковский, Лесной)”. Порой требовали направить людей перебирать картофель на овощную базу. И надо было кого-то уговаривать, убеждать, взывать к сознательности. Как говорил в своё время С.М. Шульман (грассируя): “Хлеб всему гогова!”

Зимой 1986 года вдруг поступила разнарядка направить одного из сотрудников Гидрометцентра на курсы трактористов. Как это выполнить, если более 95% состава ГМЦ - женщины; ведь времена прославленной в 30-е годы Паши Ангелиной давно прошли? Докладываю начальнику Управления: “Желающих нет”. Василий Иванович спокойно улыбается: “Пишите заявление...” Ситуацию спас Ю.К. Аксютин, который буквально накануне оставил пост директора Новосибирского ГПТУ №7 и перешёл к нам на скромную инженерную должность в отделе агрометпрогнозов. (А ведь ему было прилично за 50!) Его и направили на ускоренные курсы трактористов; кажется, в этой должности он на уборке урожая заработал намного больше, чем на ставке агрометеоролога Гидрометцентра. После того как меня на партбюро Управления аттестовали в статусе “пропагандиста”, в феврале 1986 года на сессии Центрального райисполкома Новосибирска я выступил с речью на тему шефской помощи Гидрометслужбы селу и, вообще, о проблемах гидрометобеспечения сельского хозяйства (сессия проходила в Доме Актёра).

Ю.К. Аксютин

Конечно, не только сельское хозяйство было объектом нашего внимания, заботы и деятельности. Здесь уместно вспомнить, что отчёты по итогам гидрометобеспечения народного хозяйства в 80-е годы составлялись не один раз в год, а два раза: сначала – за первое полугодие, а в конце – за

второе полугодие и за год в целом. При этом, оправдываемость, предупреждённость и эффективность штормпредупреждений об ОЯ следовало рассчитывать для каждой отрасли народного хозяйства отдельно: сельское хозяйство, автотранспорт, железнодорожный транспорт, лесное хозяйство, речной транспорт, энергетика, связь, коммунальное хозяйство (ни конца ни края!). Госкомгидромет требовал, чтобы к этим отчётам прикладывались отзывы руководителей основных народно-хозяйственных организаций. А потому приходилось вместе с начальником какого-либо прогностического отдела Гидрометцентра, наносить визиты руководителям народно-хозяйственных организаций и выпрашивать, вымаливать, а может даже, вышибать такие отзывы. Это было нелегко, чаще унижительно, но иногда интересно. Обычно мы сами приходили в интересующую нас организацию с подготовленным заранее проектом такого отзыва (“рыбой”), используя имеющиеся в те годы “Технические записки” для различных отраслей экономики, где было описано влияние определённых гидрометусловий на деятельность данной отрасли и принимаемые обычно ей меры по противодействию неблагоприятным природным факторам. Конечно, сложнее всего было “выбить” более-менее лояльный отзыв в Управлении сельского хозяйства; чиновники этого ведомства почти всегда вносили “ложку дёгтя” в эти отзывы. Вспоминается, когда в конце мая 1985 года, в разгар посевной кампании мы “зевнули” снегопад, прошедший в ряде районов Новосибирской области, заместитель начальника Управления сельского хозяйства Э.И. Камерлох долго бубнил: “Вы в большинстве случаев неверно информируете...” Успокоился и подписал отзыв он только тогда, когда я заверил его, что синоптик ГМЦ, виновный в ошибке, понёс дисциплинарное наказание, что проведён разбор причин неудачного прогноза и приняты меры по недопущению подобных ошибок.

Но вновь и вновь Госкомгидромет и главный лидер по вопросам гидрометобеспечения С.К. Черкавский требовали

конкретных данных об эффективности наших прогнозов. В декабре 1985 года Москва дополнительно запросила отчёт о влиянии сложившихся гидрометусловий на деятельность народного хозяйства и реакции потребителей на наши прогнозы и штормпредупреждения. В настойчивости этих запросов чувствовалась воля и энергия Сергея Константиновича. Делать нечего: пришлось ещё раз вместе с прогнозистами Гидрометцентра поехать, побегать по кабинетам руководителей и ведущих специалистов структур экономики (Управления железной дороги, автотранспорта, Новосибэнерго, лесного хозяйства). Иногда выходил разочарованным: “Нигде разумного учёта нет!” Порой, удовлетворённым: “Вполне приличная беседа”. Удалось достать данные Статуправления о недоборе урожая сельхозкультур из-за неблагоприятных погодных условий. Короче говоря, всё это дало возможность подготовить достаточно разумный ответ на запрос Москвы (УГМО). При всех издержках и недостатках существовавшей системы взаимодействия органов Гидрометслужбы и народно-хозяйственных организаций само наличие такой системы, мне представляется, было правильным. Мы знали и изучали запросы и потребности хозяйственных структур или, образно говоря, ощущали “пульс экономики”, а хозяйственники вникали и могли понимать возможности Гидрометслужбы и порой принимать эффективные решения с учётом фактических и прогностических гидрометданных. Кстати, в 80-е годы поощрялась подготовка информационных материалов об эффективности использования гидрометданных в отраслях экономики (в виде небольших брошюр) и отправка таких материалов на экспозицию ВДНХ СССР. Помнится, одна из таких брошюр, где мы рассказали об использовании прогнозов температуры в деятельности организаций ТЭК на юго-востоке Западной Сибири, заслужила бронзовую медаль ВДНХ.

Я не случайно упомянул о прогнозах для нужд теплоэнергетики; та суровая зима 1984-85 годов буквально

потрясла сибирскую энергосистему. Мощные вторжения арктического холода с 40-градусными морозами, резкие изменения погоды с колебаниями температуры, сильными ветрами и метелями вызвали массовые аварии и отключения на предприятиях ТЭК. В условиях суровой погоды возросли требования энергетиков к качеству прогнозов среднесуточной температуры. Москва обязала нас для объединённого диспетчерского управления (ОДУ) “Сибирь” составлять такие прогнозы не только на первые – третьи сутки, но и на четвёртые – пятые. При этом были установлены жёсткие и заведомо невыполнимые критерии точности (в пределах плюс-минус 2°C) и независимо от заблаговременности такого прогноза. Конечно, мы установили жёсткий контроль за качеством прогнозов, проводили разбор причин неудачных прогнозов, стремились внедрять новые методы прогноза. Как раз в те годы проходило испытание и опытное применение нового синоптико-гидродинамико-статистического метода и технологии прогноза температуры для территории Сибири (с использованием ЭВМ), разработанного И.Г. Храмцовой. Ситуация усугублялась плохим, а чаще – поздним поступлением метеорологических (наземных) и аэрологических данных на карты погоды, барической топографии, кольцевые карты погоды с наблюдательной сети Омского и Красноярского УГМС, особенно с северных (приполярных) станций. По данным всё той же беспокойной и неутомимой В.Т. Дьяченко, “плохих” по насыщенности информацией кольцовок было 26% от всех карт, карты БТ попадали только в категорию “удовлетворительных”, и таковых было 84% от всех высотных карт. Вопросу об информационной работе сети было посвящено специальное заседание технического совета УГМС, доклад подготовили В.Т. Дьяченко и А.Г. Каминский. Ситуация со сбором информации стала настолько тревожной, что проблемы сбора метео-аэрологической информации по Урало-Сибирскому региону в 1985 году в зоне ответственности Новосибирского

РСМЦ обсуждались на уровне Технического управления Госкомгидромета и первого заместителя начальника Гидрометслужбы страны Ю.С. Седунова. В телефонных переговорах с Москвой (представителями ТУ) принимали участие и мы с Н.И. Кухарским. Более того, в октябре этого года в Новосибирске состоялось специальное совещание с участием представителей Госкомгидромета, а также Сибирских Управлений Гидрометслужбы по вопросам улучшения информационной работы сети. На совещании мы с Николаем Иннокентьевичем выступили с обоснованием требований к срокам и качеству поступающей с сети аэрологической и метеорологической информации. Представители Омского и Красноярского Управлений соглашались с замечаниями, нашими требованиями, но сетовали на низкий уровень подготовки кадров наблюдателей-метеорологов на северных станциях и частую их сменяемость. Тем не менее, совещание всё же оказалось полезным; работа наблюдательной сети заметно улучшилась.

И всё же в условиях аномальных погодных условий, резких изменений режима температуры при частых арктических вторжениях все сибирские Управления восточнее Урала были отмечены в приказах Госкомгидромета по итогам зим 1984-86 годов как допустившие снижение оправдываемости прогнозов температуры для нужд теплоэнергетики. (Иначе и быть не могло!)

Читатель, вероятно, уже догадался - реакция руководства УГМС была простой и логичной: “Разобраться и наказать!” В те годы среднесрочные прогнозы на 2-5 суток составлял в нашем Управлении отдел долгосрочных прогнозов погоды – начальник М.Г. Зубович. Неоднократно (дважды-трижды) я пытался доказать В.И. Зиненко, что причина наших неудач не в низком уровне квалификации синоптиков и их руководителя, а в несовершенстве численных моделей прогноза атмосферных процессов, а следовательно, и погоды.

Василий Иванович не соглашался и упорно “требовал крови”, то есть понижения начальника отдела в должности. На третьи сутки переговоров он уже был более сдержан, в основном ругал руководство Госкомгидромета за “предвзятое отношение” к сибирским Управлениям и к Западно-Сибирскому, в частности. Ограничились лишением премиальных, а в завершении беседы он как-то устало и недовольно бросил: “Что-то вы всё время возражаете!”

Нет, не случайно при приёме меня на работу Василий Иванович заметил: “В Гидрометцентре тоже надо будет заниматься наукой”. Уже в январе 1984 года ВНИИГМИ-МЦД озадачил нас работой, которую я мог бы отнести к категории оперативно-методических НИР. Согласно высланной этим институтом программе, следовало провести анкетирование и нормирование всех видов работ в каждом отделе Гидрометцентра, оценить временные затраты на каждый вид работы и, в конечном счёте, определить оптимальную штатную численность персонала. Следовало также учесть необходимость штатного резерва в случае болезней и очередных отпусков. Ну, что же, разве мы враги себе?! В результате выполненной НИР каждый отдел и Гидрометцентр, в целом, блестяще доказали головному институту, руководству Управления, а главное, себе, научную обоснованность действующего штатного расписания. Мы все были довольны. Наивные! Мы даже не предполагали, что буквально в ближайшие несколько лет под лозунгами “оптимизации” будут приняты административные решения по сокращению “всего и вся”, и никто не будет опираться на какие-то нормативы...

Помимо выполнения оперативно-методических работ, Новосибирский Гидрометцентр представлял интересы заказчика, Западно-Сибирского УГМС, и его задачей было оценивать эффективность выполняемых в нашем СибНИГМИ научных разработок, особенно по прогностической тематике, проводить оперативные испытания методов гидрометеорологических прогнозов, подводить итоги испытаний и принимать выполненные НИР.

Е.Е. Каленкович

В.П. Крысов

И.В. Колотовкин

В 1984-85 годах продолжались настойчивые, но, к сожалению, неудачные попытки усовершенствовать региональные численные модели краткосрочного прогноза барических полей. Команда математиков института (Е.Е. Каленкович и К^о) пыталась доказать в августе 1984 года на научно-техническом совете, что качество численных прогнозов имеет тенденцию к улучшению. Однако, для нас, то есть Гидрометцентра и Регионального ВЦ, было очевидно, что прогресса практически нет. В этой оценке со мной были солидарны и синоптики, и руководство РВЦ: Владимир Петрович Крысов и Игорь Валерьянович Колотовкин. И в дискуссии мы выступали в унисон. Директор института П.Ю. Пушистов нервничал, пытался “выкручивать руки”: было явно видно, как он тяжело переживал критику дорогого для него научного направления. Зато откровенно был доволен нашей принципиальной позицией В.И. Зиненко. Между прочим, в своё оправдание Евгений Ефимович приводил факт недостаточного по объёму поступления в Новосибирск аэрологической информации для численного прогноза по сравнению с Москвой (Гидрометцентр СССР). Но Москва-то была Мировым метеорологическим центром (ММЦ) в системе ВМО, а Новосибирск – всего лишь региональным

(РСМЦ). Поэтому аргументы Е.Е. Каленковича звучали убедительно.

Никогда не забуду декабрьскую 1985 года итоговую сессию Учёного Совета СибНИГМИ, где я в качестве оппонента и представителя заказчика выступал 4-5 раз по результатам региональных НИР в области численно-статистических методов, агрометеорологических прогнозов, климатических исследований, а затем ещё просидел часа полтора на так называемой приёмке НИР. Конечно, приходилось поддерживать продолжающееся испытание своего метода прогноза аномалий среднемесячной температуры: оперативно рассчитывать значения предикторов (предсказателей) для прогнозируемого месяца, передавать эти значения программисту РВЦ, который через соответствующее ПО обеспечивал получение расчётных значений ожидаемой аномалии температуры. К середине 80-х годов в СибНИГМИ и ГМЦ уже испытывалось и в опытном порядке применялось в оперативной практике несколько методов долгосрочных прогнозов погоды: кроме меня и В.В.

Л.И. Каминская

Ерёмина статистический метод прогноза температурных аномалий на принципе, так называемых, самообучающихся, с обновлением рядов наблюдений, моделей разработали Л.Н. Романов и Г.М. Виноградова. В целом, все эти методы имели неплохую (по тем временам) успешность с довольно близкими показателями качества. Один метод мог неплохо “работать” для тёплого сезона, другой для холодного, у кого-то лучше получались прогнозы в классе “выше нормы”, у другого – “ниже нормы”. А потому, когда в апреле 1985 года

на заседании ЦМКП Росгидромета заведующая лабораторией СибНИГМИ Л.И. Каминская доложила сравнительные итоги испытаний наших методов, глава ЦМКП и герой Арктики Е.И. Толстиков принял мудрое “соломоново” решение: “Применять разработанные в институте методы по усмотрению Западно-Сибирского УГМС”. Так что ещё в течение нескольких лет названные методы применялись в оперативной работе отдела долгосрочных прогнозов нашего Гидрометцентра одновременно и в комплексе.

Говоря о науке, отмечу, что в целом авторитет научных исследований, выполненных в СибНИГМИ, в середине 80-х годов заметно вырос. В декабре 1984 года на заседании Учёного Совета чествовали нашего доцента географических наук С.Д. Кошинского, которого за цикл работ в области климатологии и синоптической метеорологии представили к званию “Заслуженный деятель науки РСФСР”. А исследования В.Н. Барахтина и его коллег по изучению турбулентности и болтанки самолётов в нижней тропосфере завоевали первую премию Госкомгидромета. В мае 1985 года В.Г. Токарев на заседании научно-технического совета доложил основные положения своей кандидатской диссертации, посвящённой долгосрочному прогнозу погоды на первую половину лета, а в августе этого же года В.А. Виноградов рассказал о результатах исследований возникновения грозных гидрологических явлений – селей в горах Алтая. Оба диссертанта в последующем успешно защитились и получили кандидатские степени по географическим наукам.

В.А. Виноградов

Помимо оперативно-производственной и околонуучной деятельности мы уделяли значительное внимание популяризации гидрометеорологии и продвижению наших

данных в СМИ. Запомнилась двухчасовая запись на плёнку по заказу редактора Новосибирского радиокомитета В.Ф. Губина в марте 1984 года моей беседы об атмосферных процессах, влияющих на погоду в Западной Сибири, о методах краткосрочного и долгосрочного прогноза погоды. В сокращённом варианте эта беседа прозвучала позднее на радиоволнах. Моя лекция по проблемам долгосрочной прогностики была весьма востребована в те годы; где я только с ней не выступал?! И на курсах метеорологов наблюдательной сети, и в подразделениях Управления, и для учащихся ГПТУ №7, а также в “закрытом” учреждении – институте электронной промышленности в Новосибирске и даже во время командировки для персонала метеорологов в/ч 52605 на Семипалатинском ядерном полигоне! И везде слушали с интересом, задавали вопросы, порой острые и каверзные.

Мы поддерживали традицию выступлений ведущих синоптиков на радио; в конце января и февраля 1986 года по Новосибирскому радио удачно выступили М.Г. Зубович и Л.Н. Староватова, причём, не только с прогнозом погоды на ближайшие сутки, но, впервые, и с уточнённым прогнозом на месяц.

В прессе продолжался ажиотаж по поводу, как писали журналисты, “феноменальных по точности” долгосрочных прогнозов А.В. Дьякова. При этом “газетёры” приводили в качестве примера отдельные его удачи: или предсказание урагана на Кубе, или прогноз весенних заморозков во Франции, или прогноз летней засухи 1962 года в Европейской части России. Абсолютно игнорировались неудачные прогнозы, замалчивалась общая статистика успешности его долгосрочных прогнозов. Особую активность проявляли центральные газеты. Помню свою беседу в январе 1984 года с журналистом “Комсомольской правды” Ю.М. Лепским, которого я ознакомил с материалами работы комиссии учёных АН СССР и Гидрометслужбы 1972 года по оценке

методических и научных основ прогнозов А.В. Дьякова, а также с нашими оценками качества этих прогнозов для территории Западной Сибири. И всё же в марте 1984 года в “Литературной газете” появилась восторженная по тональности статья журналиста Юрия Роста, посвящённая личности и прогнозам А.В. Дьякова. Я посчитал себя обязанным написать и выслать в апреле этого же года в Москву, в редакцию “ЛГ” большую полемическую статью, посвящённую проблемам долгосрочных прогнозов погоды и учёта солнечно-атмосферных связей, привёл также обобщённые данные об успешности официальных прогнозов, составляемых органами Гидрометслужбы, в сравнении с прогнозами А.В. Дьякова. Где-то через месяц пришёл ответ москвичей, из которого следовало: Анатолий Витальевич – незаурядная личность, и этим он интересен. А далее: “Что касается Вашей информации, она будет интересна нашей редакции”?! Такой ответ меня откровенно развеселил: а где же демократия и право оппонента на особое мнение, о чём уже начинали говорить партийные лидеры.

Ну и конечно, все мы – руководители структурных подразделений Управления в качестве агитаторов и пропагандистов должны были проводить популяризацию решений партийных органов, пленумов, конференций, съездов КПСС в рамках политической, экономической учёбы в своих коллективах. А мой день рождения в 1985 году совпал с моментом выхода в свет Постановления ЦК КПСС и Совета Министров страны о борьбе с алкоголизмом. Настроение сразу стало минорным (никаких застолий!); конечно, думалось, с пьянством надо бороться, но у нас на Руси так любят крайности... Через две недели состоялось партийное собрание Управления, посвящённое этой проблеме с долгими дебатами на тему “Как бороться?” Вернулся домой в десятом часу вечера с головной болью. В октябре 1985 года – очередной пленум ЦК партии, а в ноябре я провожу экономическую учёбу на тему: “Программа производства товаров народного потребления до

Февраль 1986 года. Экономическая учёба

2000 года”; провожу не только у себя в ГМЦ, но и на левом берегу, в коллективе МСС (машиносчётной станции). (Никто не мог предвидеть “лихие” 90-е годы развала “всего и вся”). Слушатели задавали провокационные вопросы типа: “Почему в магазинах мало мяса?” А уже в декабре было партийное собрание Управления с более общей проблемой: “О предложениях коллектива к плану развития страны до 2000 года”. Вот так! И снова дебаты, споры, дискуссия... Страна бурлила в судорогах “перестройки”.

В конце декабря 1985 года – начале января 1986 года была запущена первая очередь Новосибирского метрополитена, которая связала левый и правый берега Оби, от станции “Студенческая” до станции “Красный проспект”. Шикарно, красиво, комфортно, удобно – не хуже Московского метро!

25 февраля 1986 года открылся 27 съезд КПСС. С политическим докладом выступил Генеральный Секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв. В честь открытия съезда состоялся

митинг в конференц-зале Управления. Центральные газеты публиковали выступления лидеров партии. Весенние месяцы, конечно, были посвящены изучению материалов съезда в разрезе политической учёбы. Обращало на себя внимание обилие критических замечаний и оценок в отношении организационно-политических и экономических решений, принятых 10-20 лет назад прежними руководителями партии. Началась переоценка ценностей прошлого и попытки начать новую историю страны. Интересно, что в одном из протоколов собрания, на котором обсуждались решения съезда, появилась такая запись: “Коллектив Гидрометцентра выражает надежду, что мощная волна критических выступлений делегатов партийного форума найдёт отражение в будущих практических делах Партии”. Увы! Как показали дальнейшие события, эти благие пожелания остались лишь на бумаге.

80-е годы, особенно первая их половина, были эпохой разгара “холодной войны”. Очередной президент США, в прошлом известный актёр, Р. Рейган провозгласил СССР “империей зла”, взял курс на “звёздные войны” и жёсткое противостояние с лагерем социализма. В связи с напряжённой международной обстановкой в Западно-Сибирском УГМС часто проводились занятия и учения по гражданской обороне, в ночные или утренние часы объявлялся сбор руководящего состава, когда служебный автобус собирал начальников ведущих служб и отделов. Нередко наша оперативная группа Гидрометцентра совместно с подразделениями ГО и ЧС проводила учения с имитацией ядерных взрывов, прогнозами зон распространения радиоактивного загрязнения и мерами защиты от радиации. Без конца составлялись планы мобилизации и эвакуации личного состава, действий Гидрометслужбы в особый период. Приобретались материалы (шторы) для установки защитного затемнения на случай бомбёжек. Зимой 1986 года руксостав Управления дважды привозили в учебный тир Новосибирского мединститута, где мы учились стрелять из пистолета. Я, при своей близорукости,

не мог блистать точностью: помнится, в первый раз выбил 17 очков из 50, зато во второй раз 33 очка! Страна всерьёз готовилась к возможному вооружённому противостоянию. В эти годы частыми для меня и В.Н. Барахтина были командировки на Семипалатинский ядерный полигон, где мы работали экспертами Госкомгидромета по прогнозу ожидаемых траекторий перемещения радиоактивных частиц.

Куплеты “мосье Трике”.

Как я писал в начале главы, кадровый состав Гидрометцентра был крепким и, в целом, высокопрофессиональным. Но кадровые проблемы начались практически в первый же год моего руководства Гидрометцентром. В начале марта 1984 года достигла пенсионного возраста М.А. Черкесова и сразу заявила о своей отставке. Тепло проводили мы Марину Александровну на заслуженный отдых: её торжественное чествование прошло в конференц-зале Управления, был организован литературно-музыкальный концерт. Я исполнял куплеты “мосье Трике” с мелодией из оперы “Евгений Онегин” под аккомпанемент В.Н. Барахтина.

Текст куплетов был перефразирован и отображал значимость работы синоптиков, но завершался грассированной фразой: “Ви, гоza, бель Магина-а!”, а на следующий день мне пришлось исполнять роль тамады на банкете и представлять желающим возможность тостовать, чествовать и изливать свою любовь и уважение к юбиляру.

Не сразу мы нашли замену М.А. Черкесовой: предполагаемый её преемник, Любовь Ивановна Мальцева по семейным обстоятельствам медлила с согласием стать начальником отдела. Только в июле этого года она возглавила отдел. По причине пенсионного возраста ушла в отставку М.С. Побочина, отдел возглавила опытный агрометеоролог Э.В. Земляная. В начале июня 1984 года острый сердечный приступ (инфаркт) сразил начальника гидропрогнозистов В.С. Громову. Пришлось вызвать скорую помощь, и мы с А.Г. Каминским сами отнесли беспомощную и неподвижную Веру Семёновну на носилках в машину. В том же году последовала вынужденная отставка В.С. Громовой. Отдел гидрологических прогнозов возглавила Лилия Андреевна Мельникова, опытный гидролог и, добавлю – женщина с ярким поэтическим талантом.

Л.И. Мальцева

Э.В. Земляная

Л.А. Мельникова

В августе тяжело заболела Л.Н. Староватова, главный мой заместитель и, по существу, моя правая рука. Около года ей пришлось лечиться в больнице и санатории. На период её болезни исполнять обязанности главного синоптика пришлось М.Г. Зубович. Зимой 1985 года ей на помощь была временно, на два месяца, принята на работу М.Г. Петрова. В те годы вышедшие на пенсию работники могли ежегодно, на короткое время, возвращаться на своё прежнее предприятие и трудиться, передавая коллегам свой полезный опыт.

В июне 1985 года ушла на заслуженный отдых М.К. Гилярова, один из ведущих синоптиков Гидрометцентра. На прощание наша категоричная “железная леди” иронично и жёстко назвала свой труд синоптика “тридцатидвухлетней каторгой”. При всех трудностях и издержках сменной, круглосуточной работы прогнозиста вряд ли можно согласиться с такой оценкой благородного труда специалиста, предупреждающего жителей региона о возможных катаклизмах погоды и грозных штормах. Предупреждён – значит вооружён! Не так ли?

Не могу забыть до настоящего времени безвременный уход из жизни старшего инженера отдела агрометпрогнозов Р.А. Марухиной в феврале 1985 года. Это была незаменимая, невероятно работоспособная сотрудница отдела, настоящая “рабочая лошадка”. Беда в том, что она страдала тихим алкоголизмом. Узнал я об этом довольно поздно, беседовал с ней жёстко раза два, увещевая, предостерегая, но... В душе моей осталось чувство вины, что я мог сделать больше и предотвратить беду.

Кадровые потери несли и другие структуры Управления. В январе 1985 года руководство Управления поставило вопрос об увольнении с должности начальника Спутникового центра (РЦПОД) Б.К. Кожевникова. Руководитель Центра обвинялся в пьянстве, порочных методах руководства, приписках, создании

в коллективе атмосферы круговой поруки. Пьянство всегда было довольно острой проблемой в коллективах с большой долей сотрудников мужского пола. Но если, например, в коллективе РВЦ в отношениях к спиртному соблюдалось какое-то чувство меры, то в РЦПОД руководство Центра “не чувствовало края”. Помню, как на демонстрации 7 ноября 1984 года едва живой после попойки Б.К. Кожевников пытался нести большое Красное знамя Управления, напряжённо глядя вперёд ослепшими глазами, а знамя медленно падало и уже волочилось по осенней грязи. В.И. Зиненко видит это безобразие и рывкает: “Убрать!” Ситуацию спасает В.Н. Барахтин, который забирает древко знамени из ослабевших рук “Кузьмича” и достойно проходит мимо трибун на площади Ленина. В феврале состоялось бурное собрание коллектива РЦПОД с участием представителей Новосибирского Обкома КПСС; позднее прибыли чиновники Госкомгидромета, после чего судьба руководителя Центра была решена.

Наш региональный институт (СибНИГМИ) тоже не избежал кадровых потерь. В начале января 1984 года, после тяжёлой болезни, скончался заместитель директора института А.Б. Лебединский, который внёс большой вклад в развитие экспедиционных климатических работ и метеорологическое обоснование крупных промышленных объектов в Западной и Восточной Сибири. На его проводах, где я выступал с прощальным словом не только от имени Гидрометцентра, но и от руководства Управления, возглавлял похоронную процессию, конечно, директор института П.Ю. Пушистов. Меня поразил его растерянный внешний вид, откровенная нервозность и прерывающаяся временами речь. А в феврале 1985 года скончался крупный климатолог Сибири советского периода Л.И. Колдомасов. Его, доброго, отзывчивого человека, все любили, провожать в последний путь на Заельцовское кладбище пришло много друзей, коллег, ветеранов; запомнилась прощальная речь И.А. Шевчук, которая не могла скрыть своих слёз и рыданий.

Возвращаясь к кадровым проблемам тех лет, вспоминаю, что их решение тогда зависело, порой серьёзно, от позиции весьма одиозного по стилю работы начальника отдела кадров Управления Р.А. Албогачиева. Лицо кавказской национальности. (Избави боже! Я ничего не имею против жителей Кавказа.) Он пытался в Управлении играть роль, образно говоря, “кадрового царя”: мог единолично без согласования с руководством и методистами увольнять и принимать на работу работников, включая начальников метеостанций. Зато тормозил и даже блокировал согласованные перемещения сотрудников “по горизонтали и вертикали”. Когда он узнал о моих переговорах с одним из синоптиков НЗАМЦ и его возможном переходе в Гидрометцентр, то объявил меня в незаконном “переманивании” кадров и даже добился моего выговора в приказе “за нарушение штатно-сметной дисциплины”. Албогачиев направлял на сеть грозные по тональности административно-методические указания, обосновывая их указаниями партийных и профсоюзных органов об укреплении трудовой дисциплины. Вот выдержка из одного такого указания (февраль 1986 года): “Преступное легкомыслие допускается (начальниками) в отношении опозданий... Надо чтобы опоздание на работу стало величайшей редкостью”. (Каково! Явно – стиль, тяготеющий к военному времени.) На одной из планёрок в руководстве Управления мои коллеги, руководители подразделений, называли “кадрового царя” неуправляемым. Жалобы на его грубость и волонтаризм достигли Москвы, и прибывшая в марте 1986 года комиссия Госкомгидромета рекомендовала освободить Албогачиева от занимаемой должности.

Организационная и бумажная “круговерть” порой прерывалась интересными и полезными командировками, инспекциями, семинарами, совещаниями регионального и даже всесоюзного масштаба.

Первая моя серьёзная, хотя и короткая, служебная командировка состоялась в конце апреля 1984 года в Новокузнецк. Это был разгар весеннего половодья в бассейне Оби и Томи. В те дни стали поступать какие-то противоречивые данные о разливе рек и подтоплениях в районе Новокузнецка. В.И. Зиненко приказал нам с А.Г. Каминским срочно вылететь в Новокузнецк, на сборы дал меньше часа. Пробыли мы в столице Кузбасса два дня, ездили с и.о. начальника местного Гидрометбюро А.К. Максимовой в подтопленные районы (они оказались незначительными), встречались с заместителем председателя горисполкома и другими начальниками. Они удивлялись, что мы приехали из-за такой “мелочи”: подтопления были локальными, из-за переполнения прудов и сброса воды в городскую речушку Аба. Составив акт с соответствующим описанием события, мы вернулись в Новосибирск. Тем не менее, в мае нечто подобное (и локальное) произошло в Кемерово, но туда был командирован только один А.Г. Каминский.

Конструктивными были контакты и совещания с представителями и методистами головных НИУ (ГГО и ГГИ), проводивших у нас инспекции на сети. В августе 1984 года к нам прибыл ведущий специалист ГГО по актинометрии Ю.Д. Янишевский, 78-летний живой голубоглазый старичок; прочёл у нас лекцию о развитии парка актинометрических приборов в стране в целях изучения потоков солнечной радиации и солнечного климата. В октябре 1985 года на заслушивание результатов инспекции нашей гидрологической сети методистами ГГИ были приглашены начальники всех гидрологических станций и обсерваторий. Интересно, что уже тогда сетевики ставили перед ГГИ вопросы и задачи, как тогда говорили, “механизации” гидрологических наблюдений и обработки наблюдённой информации. Вообще, в те годы заседания Технического совета, совещания по проблемам гидрологии, в частности, по вопросам подготовки сети к весенне-летнему половодью, проходили всегда с участием

руководителей сетевых подразделений. В моём дневнике есть запись о том, что такое совещание в начале апреля 1986 года длилось 5(!) часов. Обсуждалось всё: методические, финансовые, технические вопросы, включая вопросы техники безопасности и обеспечения спецодеждой, разрабатывался и выпускался согласованный (“вдоль и поперёк”) приказ начальника Управления.

Ноябрь 1984 года. Доклад на региональном семинаре.

Во второй половине ноября 1984 года в Новосибирске состоялся региональный семинар по вопросам развития спутниковой метеорологии. Хотя семинар имел статус регионального, но по числу делегатов, гостей, количеству докладов это было мероприятие союзного масштаба: были представители Госкомгидромета, Гидрометцентра СССР. Из Ташкента (САРНИГМИ) приехала М.В. Буркова, вдова моего кумира В.А. Джорджо, эффектная, яркая женщина, несмотря на известный и солидный возраст. На семинаре я выступил с коротким докладом, где рассказал об опыте уточнения фронтологического анализа и прогноза резких изменений

погоды с учётом спутниковой информации. В конце речи, чередуя серьёзные выражения и юмор, высказал пожелания, чтобы разработчики и интерпретаторы спутниковых систем перешли от облачных полос, зон и вихрей, видимых на снимках с ИСЗ, к идентификации районов с опасными и неблагоприятными явлениями, то есть сильных ливней, градобитий, шквалов и пр. (Если серьёзно, то я и сейчас бы не отказался от высказанных тогда пожеланий.)

Прошло чуть больше недели после спутникового семинара, и я вылетаю в Москву на первое всесоюзное совещание начальников гидрометцентров Госкомгидромета. Наш самолёт садится не в Домодедово, а в Пулково, так как над Москвой низкая облачность, снегопад, сильный ветер. Срочно еду на Московский вокзал Ленинграда и поздно ночью скорым поездом прибываю в Москву. Совещание проходило почему-то на площадках ВДНХ в павильонах “Мелиорация” и “Животноводство”. Открыл совещание заместитель главы

Ю.С. Седунов

И.Г. Грингоф

Госкомгидромета Ю.С. Седунов, ведущие учёные и руководители НИУ Гидрометслужбы (П.П. Васильев, И.Г. Грингоф, Е.С. Уланова и др.) выступили с докладами по основным направлениям своей деятельности. Запомнилось выступление А.И. Снитковского об условиях возникновения зоны смерчей, прошедших в начале июня этого года от Молдавии до Московского региона и Поволжья, вызвавших разрушения и человеческие жертвы. Ярко выступила Н.В. Савинова, начальник Иркутского

Гидрометцентра, которая рассказала о масштабах весенне-летнего половодья в Иркутской области и успешном его прогнозе. В своём выступлении я рассказал о проблемах и достижениях своего Гидрометцентра, популяризации нашей деятельности. Оживление и смех в зале вызвала отписка редакции “Литературной газеты” о личности А.В. Дьякова и его прогнозах, которую я зачитал с трибуны. Принял я участие в небольшой дискуссии, которая вспыхнула по вопросу содержания и порядка выпуска долгосрочных прогнозов погоды на месяц. Вообще, полагаю, что ценность таких совещаний не только в содержании звучащих с трибуны выступлений, но и в возможности обмена опытом работы с коллегами. А собравшийся на совещание народ оказался, как записано в моём дневнике, “языкастым и зубастым”. Особенно это проявилось на следующем заседании с участием руководства Службы (Ю.С. Седунов, В.Г. Никитин, А.Н. Чилингаров), когда обсуждались крайне болезненные (уже тогда!) вопросы о заработной плате и премиальной системе для работников нашей Гидрометслужбы. И под градом задаваемых из зала вопросов не всегда убедительно звучали ответы чиновников Госкомгидромета, ответственных за финансовую и кадровую политику Службы.

В следующем году, в 20-х числах сентября 1985 года, я принимал участие в комплексной инспекции подразделений Западно-Сибирского УГМС, расположенных в городе Колпашево (Гидрометобсерватория и АМСГ). Возглавлял инспекцию Р.Я. Гесс, кроме меня Гидрометцентр представляли гидрологи Л.А. Мельникова и О.В. Лавринович. Познакомились мы с руководителями ГМО и АМСГ А.П. Путинцевым и Г.А. Скрипниковой, начальниками отдела гидрологии В.Д. Крашенинниковым и аэрологии А.А. Лобановым. Вопросы метеообеспечения авиации и аттестацию сотрудников АСМГ курировали и проводили начальник отдела обслуживания авиации А.А. Кульшенёв и главный синоптик НЗАМЦ Р.И. Салтыкова. *Вопросы* профсоюзной и кадровой

Р.И. Салтыкова

работы проверяли глава профсоюза нашего Управления Д.Н. Щенина и начальник отдела Р.А. Албогачиев. Колпашево и сейчас, и тогда - это небольшой провинциальный городок на севере Томской области, а жители этого городка были примером настоящего простого русского добродушия и гостеприимства: наблюдатели посещённых нами

гидрологических постов, хорошие и ясные характером женщины, угощали нас молоком своих коров, встречали и провожали нас добрыми словами. Во время инспекции мы посетили руководителей партийных и хозяйственных организаций, которые высказали пожелания по расширению гидрометобеспечения, особенно в интересах рыбоводства. В ходе бесед с лидерами города и руководством ГМО-АМСГ был сделан вывод о необходимости создания специальной группы в АСМГ для метеорологического обеспечения города и района краткосрочными прогнозами погоды общего пользования. Итоги комплексной инспекции подвёл Р.Я. Гесс; проект соответствующего приказа поручил написать мне.

И снова, только успел я отойти от Колпашевской тематики, в ноябре этого же года – интересная командировка в Минск на Всесоюзное совещание специалистов Гидрометслужбы по проблеме создания автоматизированной системы доведения информации (АСДИ) до потребителей. Моим коллегой в этой командировке был начальник отдела программирования ЗСРВЦ И.В. Колотовкин. На совещание прибыли представители многих управлений, региональных ВЦ; от Госкомгидромет был заместитель начальника УГМО В.А. Тренин. Белоруссия (Белгидромет) представляла собой в те годы своеобразный полигон, где отрабатывались новые гидрометприборы, оборудование и технологии. На совещании

шла речь о разработке единой концепции и технологической линии по доведению фактической и прогностической информации в цепочке: станция – линии связи – ЭВМ – Гидрометцентр до конечного потребителя. Выступавшие ораторы отмечали существенные организационные и технико-технологические проблемы: отсутствие единой технической политики в Госкомгидромете, разнокалиберность самой техники и систем связи на местах. Были собраны предложения по разработке мероприятий для устранения отмеченных недостатков и решения проблем. Мы с Игорем Валерьяновичем ознакомились с работой ВЦ Белгидромета, служб связи, спутникового центра, собрали образцы карт погоды, расчётов и таблиц, генерируемых ВЦ. Мне удалось пообщаться с начальником Минского Гидрометцентра Аввакумовым, его заместителем М.А. Гольдбергом, с некоторыми руководителями прогностических и режимных отделов, я получил представление и содержания, стиле и объёме выполняемых ими работ; даже присутствовал на обсуждении краткосрочного прогноза погоды по Минску и Минской области. Интересно, что термин “осадки” на белорусском языке звучит как “опадки”: и это правильно, ведь они падают, а не осаждаются! Любезные хозяева организовали для нас экскурсионную поездку в одно из самых трагичных мест прошедшей войны – село Хатынь, которое было карателями полностью выжжено и уничтожено вместе с жителями в 1943 году. В день поездки стояла пасмурная унылая погода поздней осени. Мерно, приглушённо звучали погребальные звуки колоколов, печально высилась “Стены скорби”, немногословно вещал о трагедии Хатыни голос экскурсовода. На сердце было тяжело, и это ощущение долго ещё оставалось в душе.

В феврале следующего, 1986 года, начальник РВЦ В.П. Крысов изложил на техсовете созданную совместно с Гидрометцентром идеологию (техническое задание) на разработку АСДИ в нашем Управлении. Она предусматривала решение пятнадцати приоритетных задач, начиная от

автоматизации наноски и расчерчивания синоптических карт (погоды, кольцевых, БТ) до подготовки и доведения гидрометинформации до рабочих мест специалистов, включая сводки данных по температуре, осадкам, атмосферным явлениям, пожароопасности лесов и т.д.

Не могу забыть совместного с комиссией Новосибирского облисполкома (во главе с А.Г. Незавитиным) аэровизуального обследования с помощью вертолётa зон затопления Новосибирской области в середине мая 1986 года. Зима 1985-1986 годов оказалась многоснежной; в результате таяния снега весной, подъёма уровня рек Барабо-Кулундинской низменности обширные районы северной части Новосибирской области оказались подтопленными, так как максимальные уровни половодья были на 1-2 метра, и более, выше нормы. Полёт нашего вертолётa проходил по маршруту Новосибирск – Убинское – Каргат. Со мной вместе в салоне вертолётa летела гидролог Гидрометцентра В.Ф. Богданова; изумлённо мы смотрели в иллюминаторы: в поле зрения было сплошное море воды, как будто вся область залита водой, лишь кое-где торчали верхушки деревьев и крыш. Как показало обследование, общая площадь подтопления составила более 200 км²; высокие уровни воды стояли больше месяца, что нанесло ущерб сельскому, коммунальному, автодорожному хозяйству. Часть населения пришлось эвакуировать из зон затопления, скот перегнали в безопасные места; но всё же несколько сотен голов погибло. Вместе с землеустроителем Новосибирского облисполкома мы участвовали в составлении акта (справки) обследования, которая использовалась директивными органами для планирования мер по экономической помощи пострадавшим районам.

В.Ф. Богданова

Но не только из одних трудовых будней состояла жизнь коллектива Управления, Гидрометцентра и их руководителей! Вспоминается смотр художественной

З.Н. Рассолова

самодетальности и концерт 22 февраля 1985 года, посвящённый Дню Советской Армии и 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. Если коллектив РЦПОД представлял танкистов, то Гидрометцентр демонстрировал серию сюжетов: Г.П. Торубарова и З.Н. Рассолова убедительно говорили о своей любви к уходящим на фронт отцам, мужьям. А я изобразил солдата в пилотке и накинутой на плечи плащ-палатке с автоматом в руках; запевал знаменитую в годы войны “Землянку”, а стоящая поодаль от меня Л.И. Демидова вторила мне в дуэте. (Сидевшая в жюри Д.Н. Щенина после концерта подошла ко мне и призналась: “Это было трогательно до слёз”).

Лыжный праздник Центрального района Новосибирска в середине февраля 1986 года проходил в Заельцовском парке при сильном морозе, близком к 30 градусам. По условиям праздника коллектив УГМС должен был представить несколько лыжных семей. Таковой оказалась семья Гафаровых, во главе с отцом Альбертом Хадыевичем, сотрудником РВЦ. Мне пришлось назваться главой семьи Тюменцевых и вместе с Аллой Александровной и её сыном-школьником участвовать в лыжной эстафете. К счастью, никто в судейской группе не стал проверять наших документов, да и у наших жён и

А. Димитров

мужей не было особых поводов для ревности. Похоже, все лыжники Управления бежали хорошо: я видел лёгкий, изящный и, я бы сказал, элегантный бег лыжника из нашего РВЦ А. Димитрова, мощный, неудержимый финиш начальника Управления В.И. Зиненко в “командирской ” эстафете руководителей всех предприятий района. И общее третье место по району, вполне достойное для коллектива гидрометеорологов, мы заслужили

Команда лыжников УГМС. Февраль 1986 ода.

1985 год завершил 11-ю пятилетку (1981-1985) развития нашей страны, и по сценариям того времени в январе следующего года состоялось заседание партийно-хозяйственного актива и конференция трудовых коллективов нашего Управления. Руководство, начальники структурных подразделений, профсоюзные лидеры обязаны были выступить с итогами своей работы. Выступая на том собрании, я с определённой долей гордости говорил о достижениях

Новосибирского Гидрометцентра в сфере повышения качества гидрометобеспечения народного хозяйства Сибири, методической работы с наблюдательной сетью. Отметил, что за 11-ю пятилетку в оперативную практику Гидрометцентра и других структур Управления было внедрено новых численно-расчётных методов прогнозов больше, чем в предыдущей пятилетке, что являлось одним из факторов повышения оправдываемости штормпредупреждений, прогнозов погоды на 1-3 суток, гидрологических прогнозов от 1 до 10%; впервые в прогнозах на 2-3 суток мы достигли и перешли рубеж 90%. Расчётный экономический эффект наших прогнозов за пятилетку превысил 60 млн. рублей. Говорил о том, что ГМЦ совместно с коллегами из РВЦ и НСАСПД ведёт работу по автоматизации подготовки различных прогностических и режимных материалов.

Позднее встал вопрос о награждении наиболее отличившихся в прошедшей пятилетке работников высокими правительственными наградами (орденами и медалями). От Гидрометцентра я предложил к награждению Л.Н. Староватову, от РВЦ В.П. Крысовым была названа кандидатура В.Т. Дьяченко. Однако, как записано в моём дневнике: "Проиграли оба..." Не помню, что имел против РВЦ В.И. Зиненко, но по отношению к Гидрометцентру у руководства УГМС были серьёзные претензии. Даже сейчас не думаю, что их можно было бы назвать обоснованными. Например, в своём критическом выступлении Василий Иванович упрекал нас в том, что ГМЦ не составляет медико-метеорологические прогнозы для органов здравоохранения. (А как бы мы стали это делать без государственно-ведомственного задания на такие прогнозы и при отсутствии разработанного соответствующим НИУ метода?!) Или, почему-то ГМЦ не имел сообразительности на всю пятилетку. (А разве мало было иметь план мероприятий по обеспечению Продовольственной программы на несколько лет и целого каскада сообразительности на каждый год и к очередным съездам КПСС?!) В результате

обсуждения к правительственной награде по предложению А.А. Кульшенёва прошла кандидатура главного синоптика НЗАМЦ Р.И. Салтыковой. Правда, некоторые сотрудники ГМЦ получили звания “Ударник пятилетки” или были занесены в “Книгу Почёта” и на “Доску Почёта”: синоптики С.В. Прилепская и Р.Н. Молчанова, гидрологи Л.А. Мельникова и Л.С. Ветошкина, агрометеоролог В.И. Садонина. И всё же, прошедшее обсуждение произвело на меня тяжёлое впечатление, и я ушёл с совещания “в самом дурном расположении духа”.

В.В. Селегей

Завершая сию главу о “первых шагах” деятельности вновь созданного Новосибирского Гидрометцентра, не могу не сказать, что, по крайней мере, в течение трёх лет руководство ГМЦ подвергалось “атакам” начальника Центра контроля загрязнения окружающей среды В.В. Селегея. Начиная с весны 1984 года, Валентин Васильевич настойчиво рекомендовал, предлагал и даже требовал, чтобы Гидрометцентр взял на себя функции прогнозирования загрязнения атмосферы промышленными выбросами в результате хозяйственной деятельности и работы автотранспорта. Я возражал, мотивируя это тем, что ЦКЗС, обладая квалифицированными специалистами, ведущими мониторинг загрязнения атмосферы (от организации системы наблюдений за концентрациями загрязняющих веществ до оценки диагностики и динамики изменения этих концентраций во времени и пространстве) может лучше понимать физику и химию процессов загрязнения атмосферы, а значит и более квалифицированно это предсказывать. Тем более, что в 70-80-е

годы этот центр на базе разработанной И.А. Шевчук методики уже вёл фактически и реально эту работу и довольно успешно.

Более того, с учётом предложений руководства ЦКЗС (В.В. Селегей и Ф.А. Оберемко), в сентябре 1985 года В.И. Зиненко принял решение усилить этот Центр дополнительными штатными единицами. Но мой коллега на этом не успокоился, и в июне следующего года злополучный вопрос о взаимодействии обоих центров был вынесен на партийное собрание Управления. 26 июня 1986 года партийное собрание поставило (и на долгое время) точку в этом вопросе. При активной поддержке С.М. Шульмана более правильной в определении функций ГМЦ и ЦКЗС была признана позиция начальника Гидрометцентра: прогноз загрязнения атмосферы оставили за коллективом В.В. Селегея. Я и сейчас считаю, что эти прогнозы должны составлять структуры, ведущие, в основном, мониторинг загрязнения природной среды. Вместе с тем, в решении партсобрания содержались рекомендации по взаимодействию наших Центров, которые можно было бы объединить одной фразой: “Ребята! Давайте жить дружно!”

Вспоминая каскад конфликтов и испытаний, выпавших на мою долю в те годы, не могу не сказать о “сюрпризе” нашего сына Артура. Как в той песне из к/ф “Гусарская баллада”: “И нанесла удар свой ножом из-за угла”. В 1982-1983 годах он завершил второй курс учёбы в институте (НЭТИ), а в 1983-84 годах после академического отпуска возобновил учёбу на третьем курсе. В январе 1985 года успешно сдал зимнюю сессию. Однако, в апреле, когда я был в командировке в Москве, а моя супруга Тамара уехала на лечение в далёкий санаторий “Армения”, он написал заявление в деканат: “Прошу отчислить из института”. В чём дело? Оказывается: тяжело, невмоготу, противно здесь учиться, не видит перспективы в

дальнейшей учёбе. Уговоры не помогли. Он решил начать “с нуля”. В августе 1985 года Артур успешно сдал приёмные экзамены и стал студентом первого курса исторического факультета Новосибирского пединститута (НГПИ).

30 июня 1986 года я проснулся с ощущением каких-то помех в моём зрении: в поле зрения левого глаза стояло тёмное пятно, этим глазом я не мог прочесть ни единой строчки. Офтальмологи поставили беспощадный диагноз: кровоизлияние в центральной (макулярной) области глаза (“пятно Фукса”). Лечение в июле-августе в глазном отделении Новосибирской городской больницы (уколы, капельницы, пиявки) не принесли кардинального улучшения. В ноябре того же года операцию на левом глазу (она называлась реваскулизация) мне делал известный профессор В.В. Лантух. Сначала действительно “пятно” посветлело, в поле зрения стали появляться какие-то детали реальных предметов, но затем снова пятно потускнело, потемнело. Зрение левым глазом вернулось в исходное “нулевое” состояние.

Вероятно, произошедшее было реакцией моего организма на череду производственных и семейных моральных травм и переживаний тех лет. Может быть, своего рода предостережением о грядущих событиях. А они назревали: и в стране, и в Гидрометслужбе. В апреле 1986 года грянула ядерная катастрофа, взрыв на атомной станции (АЭС) Чернобыль. А осенью пришли из Госкомгидромета материалы о перестройке в Гидрометслужбе.: переходе на новую систему оплаты труда за счёт “оптимизации” работы и сокращения штатной численности всех структур Службы. Начинались новые тревожные события, но об этом в следующих главах моих “осколков”.

Продолжение следует...